

Андрей Арюков

САЛЬДО-
БУЛЬДО

18+

Андрей Арюков

Сальдо-бульдо

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70254985
Сальдо-бульдо. / Андрей Арюков: Перо; Москва; 2023
ISBN 978-5-00218-876-5

Аннотация

«Сальдо-бульдо» – первая в мире художественная книга о людях, внедряющих самую известную в мире бухгалтерскую программу «Жёлтый стресс».

Они могли быть кем угодно: менеджерами, курьерами... но они – работающие по вызову программисты. Они общаются, я бы даже сказал, воюют, с представителями «самой скучной» в мире профессии, бухгалтерами. Общение напоминает квест, в котором надо встречаться с различными персонажами и получать от них подсказки и предметы, только в жизни вместо предметов герои приобретают, по большей части, трагикомические эмоции. Они попадают в истории, из которых иногда выпутываются, а иногда нет. Им на пути попадаются колдуны и сектанты, они играют в бильярд и любят музыку, они – обычные живые люди.

В книге нет места компьютерам и программам, зато есть юмор, сатира и борьба с вселенским злом, которым одержимы некоторые индивиды. Книга написана от первого лица и содержит изрядное число лингвистических перлов.

Содержание

Часть 1	6
Шопен	6
Папуша	10
Вместо предисловия	14
Явь или сон?	16
Часть 2	18
Первое знакомство	19
Лего	23
Серёжка Фри	29
Водевиль	34
Тупой угол	44
Часть 3	54
Кукумбер	56
«Как ныне собирается вещей...»	62
Отлучение	72
Первое слово	78
Шабаш	81
Мафия	87
39 попугаев	98
Констанция	104
Космос	109
Девятый дан	112
Дуремар	123

Андрей Арюков

Сальдо-бульдо

© Андрей Арюков, 2023

Часть 1

Затакт

Шопен

*«Иногда я могу только стонать, страдать, и
выливать моё отчаяние на пианино»,
Фредерик Шопен*

Май 1985 года. Мне скоро одиннадцать лет. Я болею. Ни один доктор в городе не может поставить диагноз. Совершенно случайно проездом в наших палестинах почтенного возраста эскулап с мировым именем. Попасть на приём к нему нереально. Нереальных вещей для моего отца нет, он в Иране за молочного поросёнка торговался.

Для эскулапа заготовлен ящик с деликатесами: армянский коньяк, вино «Букет Молдавии», пятилитровая банка сгущёнки и конфеты «Гулливер». Эти конфеты, производимые на местной кондитерской фабрике, в городе достать так же сложно, как в Иране поросёнка.

Через день нам ехать на консультацию, а на заводе, где работают мои родители, гибнет непосредственный начальник бати. Похороны ровно в тот день, когда мировое светило готово меня принять. Цейтнот, так что волей-неволей я ста-

новлюсь участником похоронного процесса.

Весеннее небо захмарило ещё с утра. Мелкий противный дождь готовится пойти с минуты на минуту. Восемьдесят пятый – последний яркий год империи, вот-вот начнётся пресловутая «перестройка», и привычный мир рухнет.

Людей хоронят торжественно, с обилием речей и обязательно с музыкой. Я заканчиваю четвёртый класс музыкальной школы и уже умею отличать минор от мажора. Оркестр на прощальной церемонии – это не какие-нибудь пропойцы с тромбонами, а самый что ни на есть профессиональный коллектив во фраках и бабочках. Траурный марш Шопена исполняется в нескольких вариациях, и я пытаюсь их сосчитать. Дождь всё-таки полил, и настроение упало до отметки «печальнее печали».

Слова сказаны, гроб заколочен. На полотенцах деревянный макинтош медленно стал погружаться в финальную яму. Зазвучала каноническая версия похоронного марша. Организатор всего этого, профсоюзный деятель, в народе про таких говорят «шустрый, как кокос», решил расплатиться с оркестрантами. Почему именно в этот момент, он потом пояснить не смог. И, поскользнувшись на мокрой глине, деятель упал в могилу, инстинктивно подняв над головой зажатую в кулак сторублёвку. Торчащая над могилой рука с купюрой начала под музыку постепенно исчезать из поля зрения.

Верующие принялись креститься, у женщин подогнулись

коленки, кому-то подурнело, кто-то забился в истерическом смехе, а пара бросившихся помочь мужиков тоже не устояла на ногах и свалилась в могилу. Опускающие гроб на полотенцах удержать тройной вес не сумели, пополнив кучу-малу в мокром котловане. И только оркестр играл слаженно и ровно – там были профессионалы своего дела, во фраках и бабочках.

Я протиснулся сквозь иступлённую толпу и убежал на задворки кладбища. Меня начал душить приступ пока ещё не диагностированного кашля вперемешку с надрывным смехом.

С тех пор от подобных мероприятий я стараюсь увернуться под каким угодно предлогом, каждый раз представляя себе злосчастную купюру, траурный марш и массовый истерический припадок... Собственно, почему представляю... раньше существовала традиция – на похоронах было принято фотографировать...

Врач долго цокал языком, поглядывая на большой ящик, который отец поставил в углу. Пока он меня осматривал, родителей периодически сотрясал нервический смешок, который пожилой человек, я надеюсь, на свой счёт не принял.

Очень неуверенно потомок Гиппократов определил во мне коклюш, от которого и прописал лечение морем. А потом родители захлёб пытались пересказать ему события сегодняшнего утра. Лишь про Шопена помянуть забыли.

Как правило, слабую долю в начале музыкального произведения называют затактом. Я решил, что книга будет похожа на законченную музыкальную композицию, только в ней все части будут перепутаны между собой. А затакт начинается с сильной ноты.

Папуша

«Эти штучки, да какие, – сколько мне их перепало!»

А любой другой тебе бы так вломил, что ты б не встала».

Генрих Гейне. «Целимена»

1999 год.

С Кости всё и началось.

Говорят, первая жена от бога, вторая от чёрта, а третья из цирка Дю Солей. В порядок Костиных жён явно вкралось недоразумение более высокого порядка.

Мы познакомились в тот день, когда Константин развёлся, а я впервые в жизни решил жениться. Но если я решил, не сообщив об этом ни потенциальной невесте, ни близким друзьям, ни себе самому, и даже не узнал, по каким дням работает ЗАГС, то оснований утверждать о положительном решении нет ни со стороны жениха, ни со стороны невесты. В тот день я решил жениться и... передумал, о чём никогда не жалел.

Своим поступлением в медицинский институт Костя подорвал все каноны профессии. Специальность в медицинституте называлась... «Программирование». Будущий программист изучал топографическую анатомию, «топочку», и ловил собачку, чтобы вырезать у неё им же пришитый аппен-

дицит. Ловля собачки тоже превращалась в ребус. Пойманный Шариков должен был обладать следующим набором качеств: ни большой, ни маленький; ни белый, ни чёрный; ни тупой, ни умный. Костя справился, но уровень адреналина в организме с тех пор стал зашкаливать. Любой уличный пёс, завидев Костю, воспринимал его как вероятного живодёра и прилагал максимум усилий, чтобы побольнее цапнуть.

Костя выступал за гремевшую в то время команду КВН, пел, играл на гитаре и в творческом зоопарке отбивался о жаб. Жаба – это не то, что вы подумали. Жаба – это девушка. Да, девушка. Которая воображает себя участником художественного коллектива и ездит с труппой на гастроли... но только воображает. Даже если её допускают до массовки или, не дай бог, по пьянке до тела, жабой она быть не перестаёт.

Костю в команде звали Махоуни, более точного определения, положи руку на сердце, и не дашь. Он и внешним обликом напоминал актёра из «Полицейской академии». А я именовал его в глубине души КД 100, где сто – коэффициент дружбы и надёжности.

Разрываясь между компьютерами, анатомическим театром, гитарой и КВН, Константин обзавёлся вигвамом и скво. Официальной скво. Как полагается, с законным свидетельством о браке. И стало у них всё общее, как говорил Костяныч, салам-напополам. Огненная вода и трубка мира будут чуть позже.

Костян по ночам начал таксовать, напевая студенческую

песенку: «Стены – моя крепость». Он приходил под утро домой, клал на тумбочку помятые купюры и, приговаривая: «Всё в порядке – сахар сладкий», – отправлялся на пару часов в сонное царство. Студенческая семья, ничего особенного.

Костина тёща держала магазин с алкашкой на соседней улице и молодого любовника под боком. С ней было легко и непринуждённо. Если тёща вдруг чего не знала, то, засучив рукава, брала в руки любовно принесённую любовником из детства стопку журналов «Юный техник» и за двадцать минут становилась экспертом в любой, доселе неизведанной области знаний. Тёща хорошо делала два дела: стерегла дружка и гадала всему району на картах Таро. Стоять за прилавком получалось хуже.

Дела шли не очень, и мать её (Костиной жены) наливала всякой пьяни в долг. Когда долги копились и не отдавались, на семейном совете объявлялся рейд, где Костю пытались назначить коллектором.

Я представляю, как кавээнщик ходил бы по алкашне:

– Стук-стук, за долгами пришёл бурундук.

– Твоя тёща своя в доску, лучше кинь мне папироску.

Называя Костину тёщу кровопийцей и проклиная пиявку за скаредность, выпивохи дрейфовали через дорогу наливаясь в бутик «Синебот». Денежный ручеёк пересыхал, да и Костин семейный союз начал потрескивать руганью и выяснением отношений. Не доверяя маме, жена рванула за сове-

том к главному областному целителю душ – цыганке Папуше. Витиеватыми вопросами: «Лена кто? Света кто?» – Папуша размотала весь интимный клубок.

Костя ночь напролёт учил цыганский, хотел объясниться с ясновидящей на родном языке, но к утру кроме «Джа по кар» ничего не помнил...

К заявлению о разводе была подколото Папушина резолюция с датой, местом и именем Костиной измены: «Ночь, пятница, автомобиль, Марго». Кто такая Марго, Костик не знал, но крыть аргумент было нечем.

Услышав в тот день от Кости, что его «развела Папуша», я оценил игру слов и понял – жениться рано. Чуть не свезёт, не выстоять мне против папуш. В двадцать пять лет и начался новый жизненный отсчёт.

В порядке вещей, что предисловие никто не читает, поэтому я поместил его после первых двух глав, которые познакомили вас с главными героями и настроили на меланхолическую волну.

Вместо предисловия

В детстве я очень хотел написать книгу, где рыцари путешествуют по замкам, сражаются с упырями, творят добро и завоёвывают очаровательных принцесс. Спустя десятилетия мечта осуществилась. Родился роман. Рыцари приобрели вид простых программистов: Костя почти без страха, я почти без упрёка. Только чудовища никуда не делись, превратившись внешне во вполне благопристойную публику.

На страницах вы почти не встретите слов о компьютерах и программах. Это роман о людях и простых человеческих чувствах: дружба, ненависть, любовь, жадность, зависть, ненависть и месть. Вы станете участником повседневных и праздничных событий: дни рождения, свадьбы, болезни и похороны... И куда же без мистики, шпионов и тайн. Тайн, к которым никто не оставил отгадок.

Книга без какой-либо претензии на юмор, сатиру и сарказм. Всё изложенное претендует на достоверность. Все совпадения закономерно случайны. Авторские ошибки допустимы.

Вам самим придётся пройти по людскому лабиринту, простота которого очевидна, но выхода из него не предусмотрено. Если в нагромождении строчек вам не хватит деталей, то дорисуйте их в своём воображении самостоятельно. Там, где надо самую малость додумать, в тексте стоит многоточие...

Главы я назвал незатейливо – шутейки. Шутейка может быть смешной, грустной, а может вообще не быть шутейкой.

Чтобы получить удовольствие, текст надо читать монотонно-скучным голосом. Без эмоций. Голосом низким, с нотками обречённости.

Почти у каждого в сознательной жизни произошло событие, которое разделило эту самую сознательную жизнь на «до» и «после». Так и говорят: «Это было до переезда». Особо одарённые считают таковым событием свой день рождения. Они отлично помнят, как в прошлой жизни были герцогами и королями. Завидую дикой фантазии. А у меня дежурный послеоперационный бред.

Явь или сон?

Март 1999 года. Операционный стол. Наголо обритая нога. Руки чешутся написать «нагло обритая нога». Тело отключается под воздействием калипсола, я приглушённо слышу мат хирурга, чей скальпель цепляет оставшиеся волоски на колене...

Протянул бы ещё месяц, и костыли стали бы моим постоянным спутником. Но операция ничего не гарантирует – просто шанс.

За полгода до операции... Окраина города. Заросшее бурьяном футбольное поле. Разрушенный бетон трибун, пара ржавых ворот. Палящее солнце сентября, плюс тридцать, я хочу купаться. Встреча в центральном круге, который последний раз слышал судейский свисток в далёком восьмидесятом году... Мы пожали друг другу руки и разошлись. Афера, которая возможна была только в девяностых. В случае фиаско за бетоном осыпавших трибун найдут моё тело. А если выгорит, лет десять можно не работать.

Полгода практически без сна. Мне сообщили в день операции, что всё получилось.

Наркоз пока действует.

Я открыл глаза. Западает язык. Ходить не могу. Реанимация. Испуганное лицо медсестры. Врач... после меня он ре-

зал ещё троих. Зашёл проведать. Всё ясно будет через десять дней...

Десять дней в бреду от боли. Со мной в палате лежит гроссмейстер. Шахматы. Мы играем на равных. Он – чёрными и без ладьи. Я не проигрываю, не имею права. Не имею права никому проиграть. Даже гроссмейстеру, тем более, что он без ладьи. Обмороки, уколы.

Снег, апрельский ветер и одинокий ненужный костыль возле входа больницы. Теперь уже выхода. В запасе тридцать лет. Тридцать лет без боли и куча денег... Я мысленно раскладываю богатство на кучки. Самая большая кучка – квартира в центре, поменьше – синий «Пассат», добавил пару бумажек – на права, ещё пять – на первую аварию, эта кучка маме, и немного осталось для души. Первый раз мне хватило на всё...

Меня ждал раскардаш. Безумный и притягательный.

Часть 2

Аллегро, или Раскардаш

Аллегро – по-итальянски «скоро, бодро, радостно». Первая яркая интенсивная часть музыкального произведения. Несколько лет, пролетевшие в бурном хаосе поступков и желаний. Одним словом, раскардаш.

Первое знакомство

*Внемли, читатель, новым чудесам:
В ту сторону все повернули шеи,
И первым тот, кто больше был упрям.
Наваррец выбрал время, половчее
Уперся в землю пятками и вмиг
Сигнул и ускользнул от их затеи.
И тотчас в каждом горький стыд возник;
Всех больше злился главный заправило;
Он прыгнул, крикнув: «Я тебя настиг!»
Данте Алигьери. «Ад»*

1999–2001 годы.

В нашей глухомани высадился американский спецназ. Не мифические «Морские котики», а вполне земные существа без дополнительной клешни. Звались они «волонтёрами корпуса USAID». Целей у волонтёров заявлено более чем достаточно, но главная состояла в развале постсоветской медицины в Казахстане. Задним числом могу сказать: справились они с ней более чем блестяще.

Им нужны были кадры с именем, пробивные и беспринципные. Такие люди нашлись. Как принято в разведке, многих использовали «втёмную». Твердолобые болванчики в преферансе, которые должны свято верить – всё, что они делают, идёт на благо. Одним из таких деятелей была Надежда Сергеевна, которую «закинули с парашютом» в Фонд меди-

цинского страхования (ФОМС). Фонд являл собой аванпост борьбы с медициной.

Наденька (фамилия позволяла придумать миллиард прозвищ, но в коллективе её звали просто – Прихехешка) одно- моментно отправила всех опытных сотрудников в небытие, назначив на ведущие должности безусых юнцов. После этого я проработал под её началом (и под началом нового начальника Аскара) ровно один день.

Наденька до слёз любила рассказывать две истории. Одну про то, как ходила по больным в качестве участкового врача и «забывала» у них книжку, чтобы потом, вернувшись, обнаружить там денежку.

А вторую историю – про посещение величайшей медицинской научной конференции, где вся профессура в качестве контраргументов задействовала слова из неизданного тома Владимира Даля. После этого слёта Наденька стала не просто изъясняться исключительно на матерном языке, она стала искренне считать, что мат – это повседневный язык медицины.

Хабалка с замашками мальчика-подростка. Не по пути нам. Я ушёл в контору, которая находилась буквально за дверью, и все дальнейшие события происходили на моих глазах. Вместо меня приняли сразу трёх человек, одним из которых оказался Константин. И Костя с первого же дня начал воспитывать нерадивую директрису.

Бывает, Наденька залетает в кабинет – и с ходу матом:

«Надо, б..., сделать отчёт, б..., ещё вчера, б...». А Костя в ответ: «Здравствуйте, Надежда Сергеевна».

В очередной раз Наденька залетит – и, прежде чем открыть рот, глядя в честные Костины глаза: «Гм, здравствуйте... надо сделать отчёт, б...». А Костя в эту секунду кивает, закрепляя рефлекс.

* * *

И вот наступил день, когда из самой Америки приехала делегация проверить процесс разложения медицины. Приехавшая повела показывать своё обожаемое детище – отдел АСУ (автоматизированная система управления). Американский босс «есть немного понимать русски». Сотрудники выстроились полукругом, Наденька толкнула небольшую речь и взяла на себя роль проводника в череде рукопожатий:

– Это Аскар, – произнесла она и поперхнулась. Невольная пауза. Американец пожал руку Аскару, следующий на очереди – Костя. Но вместо того, чтобы представить Константина, добавила зачем-то про Аскара: – Начальник отдела. – Костя шагнул вперёд, янки кинулся обниматься: «О, начальник отдела, мне очень приятно», – Костя в ответ, сжимая руку опытного разведчика: «А мне-то как приятно». Наденька начала махать граблями, мол, не тот начальник, совсем не тот, но заокеанская свита зашикала на неё – успокойся, ба-ста, эпизод отыгран...

История с годами обросла дополнительными оттенками.

Костя в этом клоповнике отработал три года, после чего я перетянул его туда, где в течение нескольких лет прошло самое весёлое и беззаботное время.

Наденька со словами: «Умри с миром», – сумела превратить казахстанскую медицину в отголосок ядерной зимы, а USAID потом признали террористической организацией, но позже и в России. А это уже совсем другая история.

Тем временем Костя продолжал работать в клоповнике, единственной отдушиной которого оставался большой отдел АСУ. Что ни сотрудник, то самородок.

А у меня в подчинении – два выпускника факультета информационных технологий, которые брюзжат по поводу русского рока, предпочитая ему лёгкую попсятинку. Очень скоро я потащу бывших студентов на знаковый концерт (как Данила Багров), где они будут громче всех подпевать Вячеславу Бутусову про тихие игры.

Лего

1999–2001 годы.

Олежка. Программистов такого уровня можно пересчитать по пальцам одной руки. И то, если предварительно откромсать пару пальцев бензопилой. Талантище.

Олег был настоящим самородком и, как положено настоящим самородкам, пил. Две недели запоя, но потом работа, на которую другим требовался месяц, выполнялась за семьдесят два часа. Олежка покупал несколько буханок хлеба и ящик кефира. Домой не уходил. За это ему прощалось многое. Олежка был лёгок в общении и так же легко относился к действительности.

Невысокий, иной раз тучноватый парень (до применения ящика кефира) с элементами кудрей взамен причёски и с постоянной беззубой ухмылкой. Некоторые считали её, ухмылку, самодовольной. Какое тут самодовольство... Олег ощущал себя рыбой, плывущей в фарватере удовольствий. Рыбой, которая всегда в хорошем расположении духа. У него всегда деньги тратились на жизнь, а не жизнь тратилась на деньги. Классический раздолбай. Олег мог под конец рабочего дня получить зарплату, а через три часа уже стучать в дверь Кости, чтоб перехватить пару тысяч.

– Куда ты дел деньги?

– В баньку сходил, помылся.

– Ты там веником мылся из краснокнижного баобаба?

* * *

Начало ноября, лёгкий снежок, безветренное утро. И в половине девятого на работу с помпой ввалился Олежка, вдрыбаган пьяный. К счастливой пьяной роже прилагался «Лего». Конструктор. В глазах сотрудников застыл немой вопрос: «Где ты взял «Лего»?» То, что парень навеселе, никого не удивило. Весь день вчера, не отрываясь от компьютера, Олег работал и свалил домой под ночь. Первые магазины открывались в десять утра. Денег у него с собой не имелось, а «Лего» стоило чуть ли не половину зарплаты. В ночных «комках» дорогие игрушки не продавались. В «комках» ходовое, что попроще.

– Поздравьте, сын родился у меня, – ревел Олег от счастья, пытаюсь облобызать всех присутствующих.

– Олег, мы рады за тебя. Но где ты его взял? – Непонятно, к чему относился вопрос, к «Лего» или к сыну. – Вчера до полуночи за тобой не числились ни жена, ни сын (ни «Лего»).

– Утром иду на работу, встретил знакомую, разговорились, подсчитали. Короче, у меня сын. Уже четыре года.

И с этой новостью Олежка пошёл нести благую весть по всем отделам. Начальник, видя такую катавасию, за пять минут до прихода босса сплавил Олежку от греха подальше, поручив Косте довести новоиспечённого отца до дома и сдать маме на руки.

Сорок минут пешком по хорошей погоде, по лёгкому снежку. Олежка был самородком во всех смыслах этого слова. Он устроил Косте пьяную экскурсию по дому, где абсолютно весь интерьер был вырезан им самим из дерева. Маленькие домашние Кижы.

Сдав Олежку маме, Костя отправился назад. Чтобы не терять времени, сел на троллейбус. Тогда ещё по городу ходил такой феномен с рогами. Пятнадцать минут, и Костя, открывая дверь кабинета, через запотевшие стёкла очков различает в глубине... Олежку... с «Лего». Никаких вменяемых служб такси тогда не существовало. Они проклянутся спустя года три.

– *К вам подъехал «Скорпион», голубой металл.*

– *Выходи, к тебе приехал голубой Виталик.*

К тайне происхождения «Лего» добавилась не менее интригующая тайна телепортации Олежки из дома на работу. Головомойка от начальника послужила Косте «приятным» бонусом. Попробуйте остановить бегущего на водопой носорога... Распираемый радостью, Олег летал по офису, порываясь всех сделать счастливыми. Только через пару часов его смогли запихнуть в подсобку отсыпаться.

* * *

Декабрь, три дня до Нового года, праздничное настроение, мандарины, водка под столами, общее собрание. Кадровик Елена Николаевна, святой человек, проникновенная речь.

– Дорогие ребята, с наступающим. Особенно хочу я поздравить Олега, ведь у него такое чудо появилось – сын.

– Какой сын? – перебил Олег.

– Ну, сын, четыре года, «Лего», подсчитали, – сбиваясь с ритма, начала Елена Николаевна путаться в словах.

Полный недоумения взгляд Олега пригвоздил её к месту.

А через год Олежка женился. Когда парень играет на гитаре и пьёт, девушкам весело. Когда бухает и играет муж, почему-то становится совсем тоскливо. Парадокс. Это у Олежки ещё гитары не было.

Зато Олежкина женитьба стала самой душевной из тех, которые мне довелось посетить за свою жизнь. Ресторан «Орбита». Этажом ниже тоже кого-то женили, часть гостей оттуда перекочевала к нам. Шарик с гелием, и свадебное видео окрасилось в цвет безмятежного детства...

А дальше в жизни Олега – сплошные экстремумы: бухлой рекой, клиническая смерть, реинкарнация, дети, работа в лучшей IT-контуре на постсоветском пространстве и взятая на воспитание малипулька, которой не повезло с родителями, но повезло с таким папой, как Олежка. Отказавшись от одного ребёнка, Олежка подарил счастливое детство другому.

Что поделатъ, график большинства людей расписан вплоть до миллисекунды. Под этот ритм мы и подстраиваем свои потребности. В точках пересечения произвольного желания с реальностью льётся кровь. Не кровь, конечно, сказано для красного словца. Спонтанные решения и поиск туалета – предвестники забавных ситуаций.

Серёжка Фри

«Всё дело представилось в новом свете».
Марк Твен. «Приключения Тома Сойера»

1999–2001 годы.

День рождения Жанны.

Жанна ютилась в том возрасте, когда надежды на благополучный исход уже угасают, но пока теплятся. Ещё кажется, что будешь жить вечно. Юбилей – тридцать лет. Жанна обладала всеми навыками, которыми положено обладать секретарю-машинистке. Скорее, машинисткой, чем секретарём, она и работала.

Жанна носила ободок с кошачьими ушами, который за просто могла эксплуатировать как лекало для измерения кривизны ног. По этой причине на всех фото она выходила великолепно – самую красивую позу принимают исключительно такие Жанны.

Кооперативный дом с улучшенной, повторяю, с «улучшенной» планировкой. Квартира – женская обитель. Помимо Жанны: бабушка, мама и кошка. Бабушка считалась современной и по пятому кругу рассказывала историю, как неделю назад два депутата приехали на джипе ночью к ним во двор и клаксоном стали вызывать проституток. Видимо, подобная церемония происходила не в первый раз и мест-

ным жителям не на шутку надоела. Вместо проституток на машину скинули бревно. Хотя если бы скинули проститутку, то же вышло бы неплохо. Целую неделю милиция искала владельца бревна, по третьему разу опрашивая всех жильцов.

Вместе с Жанной работала Алина, которая являлась больше секретарём, нежели машинисткой. Алину «спустили» к нам в организацию для «присмотра» за директором. Мы звали её «секретарша на доверии», постоянно в её адрес отпуская шуточки подобного рода: «Стук доходит быстрее, чем звук». Алина славилась тем, что от праздника к празднику произносила свой фирменный тост, звучавший приблизительно так: «Ира. Ну, Ира – это отдельный разговор. Денчик. Ну, Денчик – это отдельный разговор». Так, в порядке неопределённого приоритета, перечислялись все сидящие за столом сотрудники. Короче, в разгар тоста я попросил бабушку рассказать по шестому кругу про проституток...

Приспел момент отлучиться в галююн.

Мы помним вводные: бабушка, мама, Жанна, кошка, улучшенная планировка. И венчал этот список длинный четырёхметровый туалет: унитаза на одном конце четырёх метров, дверь на другом... без шпингалета. А зачем? В доме только бабы. Не успел я дойти до унитаза, как следом за мной быстрым ветром ворвался Сергей. Он посмотрел на дверь без шпингалета и всё понял.

Сергей обладал смешной фамилией из пяти букв, первыми из которых были: «Ф Р И». Так и повелось – Серёж-

ка Фри. Фамилия имела десятки вариантов написания латинскими буквами, чем Сергей каждый год пользовался, отправляя по несколько анкет на американский «Грин кард». И пока мы не знали, что тремя днями ранее он его таки выиграл.

* * *

Два года назад босс привёл Серёгу в наш кабинет: «Пусть пока посидит». Ничего не умел, ничего толком не делал, но сидеть остался. С его приходом отдел АСУ получил прозвище «Союз рыжих». Рыжики у нас были отборные и вели себя соответствующе. А я что, рыжий, что ли? Но меня в них тоже записали.

Худой Серёжка с золотистыми кудрями хотел казаться авторитетным парнем и носил оперативку – скрытую кобуру с газовым пистолетом. Вечером Серж подрабатывал барменом и хвастался тем, что наловчился делать коктейль флип. (Флип – коктейль с яйцом.) Простор для прозвищ ограничивала лишь фантазия. Серёжка Флип, Яичный Джо, Бармен Золотые Уши...

Недавно наша организация переехала в новое здание. В здании удобства в форме буквы Ч: дверь – в нижней части ножки буквы, ручкомойник – в верхней, унитаз – в загогулине, через стенку от ручкомойника.

Тот день был отчётным. Из районных больниц мед ста-

тистики привезли о пациентах данные, которые необходимо было обработать и занести в программу. В коридорчике образовалась очередь, работа в отделе кипела, в уборную некогда выйти. Но Серёжка минутку, чтобы выйти, нашёл.

Он подошёл к уборной и дёрнул дверь. С той стороны, как оказалось, дверь за ручку держала приезжая «медстатистичка». От рывка тётка вывалилась наружу. Серёжка заскочил в туалет, мгновенно задвинул шпингалет, на ходу расстёгивая ширинку, и, шагнув за перегородку, начал процесс. На унитазе сидел ещё один статист женского пола из дальнего уголка нашей необъятной области. Процесс было не остановить...

Серёга с каменным лицом вернулся в кабинет... Потом он долго возмущался, почему писсантки ходят в туалет по двое... Учитывая его американскую кривую мечту, с того дня к нему намертво прикипело прозвище «Писс-бой».

Через год писс-бой уехал в Штаты. Разбирая завалы Всемирного торгового центра, он слушал американскую пропаганду о том, что после Этого Дня мир никогда не станет прежним, и вскоре женился на женщине неопределённого возраста со всеми признаками породы: чёрные вьющиеся волосы, нос с горбинкой и глаза навывкате. Будущую миссис Фри звали Рахель, она работала в Южной Башне и «одинадцатого сентября» не пошла на работу. Рахель так и не узнает, что теперь она не миссис Фри, а миссис Бой. Ну, вы в курсе, что Бой вовсе не морской.

Нацисты, придя к власти в Германии, уничтожили всех пациентов психиатрических больниц. Через несколько лет количество психов восстановилось и увеличилось.

Есть такие люди, которые своим существованием опровергают тысячи дарвиновских теорий. Они выжили бы и в той Германии, и даже в Спарте, родившись со всеми возможными отклонениями.

Водевиль

*«Дважды думай перед тем, как говорить:
в два раза лучше скажешь»*

Русская народная поговорка

1999–2001 годы.

Я стал бояться. Когда я замечаю его, разворачиваюсь и иду в противоположном направлении, только бы не встретиться взглядом. Он повсюду. Это – фобия.

В детстве я грезил небом. Лётчик, обязательно военный. Бомбардировщик. Летишь под «Танго смерти» Вагнера, открываешь бомболюки, тушишь свет. Всем. Вокруг крошечная тьма, на крыльях светятся звёздочки. И штурман показывает букву V...

Адлер. Восемьдесят четвёртый год. Сто пятьдесят четвёртая «тушка», у которой не вышло шасси. Мы с родителями летели этим самолётом. Страх – первый удар по мечте. При виде стальной птицы появилась дрожь в коленках. Мне скоро пятьдесят, а дрожь до сих пор со мной при виде самолёта.

А после неведомая болезнь, которая дала осложнение на глаза, разнесла мою мечту в пух и прах. Минус две диоптрии со мной теперь навеки.

Отныне моим повседневным хобби стало изучение военной истории. Чем глубже я погружался в ратные подвиги

пращуров, тем меньше хотелось быть причастным к подвигам и всяким военным тайнам.

На уроках НВП я отлично стрелял из мелкокалиберной винтовки, собирал-разбирал автомат и за двенадцать секунд снаряжал стандартный магазин АК-74. Но, как ни старался, любви к военному делу это не прибавило. Наш военрук, Александр Николаевич, по всякому поводу вспоминал Пиночета, сыпал армейскими шутками, по-отечески относясь ко всем шалопаям. «В армии шар заставят нести, а куб катить – это основа боевой подготовки», – уверял он. А если кто-то в школьном тире винтовку ТОЗ-8 называл «мелкашкой» или «мелкокалиберной», он так же по-отечески поправлял: «Мелкашка у тебя в штанах, а винтовка малокалиберная».

В шестнадцать лет нас ждали военный комиссариат и стрижка под Котовского, как тогда говорили. У всех одноклассников с собой пакеты с анализами, посматривая на которые, поневоле усмехаешься. Мне не то чтобы смешно... мои анализы от кошки, от соседской.

Приписная комиссия. На вопрос, в каких войсках вы мечтаете служить, я без утайки отвечаю: «В музыкальных».

По старой армейской традиции уролог припас на подоконнике стакан. Редкий пацан не знает эту злую шутку, но сегодня у врача бенефис. Надеюсь, вас никогда так не разыграют. Если на осмотре у призывника налилсь кровью непар-

ный самый важный орган, уролог указывает на подоконник: «Возьми стакан воды». Вы идёте, пьёте, а он задумчиво так выдаёт: «В стакан окунуть надо было. До вас сегодня все так делали».

В семнадцать лет я поступил в институт. Военная кафедра. Три года. Танк Т-72.

В танкисты гребли всех выпускников кафедры подряд. Две танковые дивизии в Отаре и Аягузе с некомплектном офицерского состава особого выбора не оставляли. «Чем больше в армии дубов, тем крепче оборона», – проверять на себе солдафонскую константу совсем не хотелось. Экзамен на лейтенанта я сдавать не стал, оставшись потенциальным рядовым.

После пяти не всегда сытых лет в ледяной квартире ваш покорный слуга подбил собственные обязательства перед государством. Вычел обнулённый банковский счёт родителей и страховку на свадьбу. Баланс в мою пользу. Копить долги – не моё, и на правах кредитора я честно перешёл в разряд уклонистов.

Каждые полгода в течение нескольких лет военкомат радостно распахивал передо мной свои объятия. Уклониста ждала комиссия, потом перекомиссия... Результат разнообразием не отличался. Я работал в главной медицинской организации города и следовал заветам нашего шефа, который ежедневно садился за руль, влив в себя литр коньяка: «Пьян

не тот, кто выпил, а у кого в крови нашли алкоголь».

Военкомат поражал постоянством. Я с шлифовкой на своём «Пассате» подлетал к воротам, где врачи радостно признавали во мне все припасённые болезни, но списывать в запас не торопились. Психиатр после беседы со мной воодушевлялся больше обычного и на полном серьёзе предлагал: «Не желаете у нас полежать? Подумать?»

Секретарь комиссии в зависимости от времени года причитал: «Почему вы сейчас служить не хотите, пока части хорошие, весной будут плохие». Осенью были плохими весенние части, весной – осенние. Старая песня о главном.

Очередная мать призывника громко кричала в коридоре:
– Вы как посмели моего сына признать годным, у него же болезнь Паркинсона?

– Будет в армии сидеть на телефоне.

– А почему качка в армию не берут? – это она на меня кивает...

– Он нагнуться не может, шнурки завязать.

На выходе в качестве комсомольского задания мне выдавали груды повесток, и я, как было заведено, пытался накормить ими ближайшую урну. Получалось с горем пополам. Урна уже была забита повестками от таких же комсомольцев, а тёплый апрельский ветерок разносил их по всему Майкудуку.

Каждый раз с настойчивостью маньяка работники военкомата мне намекали, что хотят денег. Я по старинному обы-

чаю денег платить не желал, произнося на чистом казахском: «Акша жок» (денег нет). А потом ходить в гнездо призыва надоело. Плюнул я и потерялся. Когда, спустя годы, заявился за военным билетом, моё дело полировало архивную полку. Отдельную. На весь район таких нас оставалось трое. Упёртых.

* * *

Виктор, а тогда он звался просто Витя, пришёл в военкомат САМ: «Меня никуда не берут на работу, хочу в армию». Закончив военную кафедру института, Витя получил «младшого», а тут наскороу присвоили лейтёху – и прямиком в Отар.

Никто и не догадывался, что, попав в часть, новоиспечённый лейтенант на первых же учениях заблокирует место наводчика и начнёт стрелять из танка по своим. Учебные снаряды из вкладного ствола броню не пробивают. Но когда прилетает болванка, чувствуешь себя в железной коробке паршиво. Крайнего искать не захотят, поэтому очень скоро Витя вернётся назад военным пенсионером. Об этом я узнаю гораздо позже, а пока...

А пока я переезжаю в новую квартиру. Мне помогают друзья из спортзала, которых можно назвать двумя Аяксами. На двоих четыре метра роста, двести сорок килограммов железных мышц. Но даже мы с трудом тащим проклятое пиани-

но на четвёртый этаж. А после – айда во дворик выпить пива. Патруль. Так называемый четвёртый батальон. Их зовут тройняшками, потому что ходят по трое, а за рост кличут вьетконговцами (редкий вьетконговец выше 160 сантиметров). Патруль смеха.

– Здравствуйте, что вы тут делаете?

– Пиво пьём.

Молчание. По рации вьетконговцы запросили подмогу. Ещё трое подошли. Постояли, подумали, оценили собственные силы, навели на нас ещё троих. Тогда я вызвал друзьям такси, а сам – домой отсыпаться.

Робкий стук в дверь. На пороге Витя: «Смотрел в окно, как вы вещи таскаете. Соседями будем! У тебя есть интернет на работе? Есть же? Мне письмо отправить надо». Даже «здрасти» не сказал. Сидел, сучонок, и смотрел в окно, как мы корячимся.

Витя учился на том же факультете, что и я. Мы пересекались в спортзале, куда он изредка захаживал. Не представляю себе, как Витя вообще дожил до двадцати трёх лет...

Иногда мне в голову приходит мысль создать фонд, чтобы впоследствии его разворовать. Для чего ещё фонды создаются? Уже название придумал: «Фонд по защите людей с водевильными фамилиями». Жили же люди: Торчилло, Дыдзюль, Попадака, Вахвахов, Дракули-Критикос. Витя безусловно стал бы жемчужиной моего фонда.

Витин папа – немец. Не так давно ушёл из семьи. Ушёл, но полученную при хрущёвской паспортизации фамилию не отозвал. Говорящая фамилия. Пшнаух.

– Мальчик, как тебя зовут?

– Витя.

– А фамилия?

– Пшнаух.

Лицо словило впечатление. Хоть Витя и ходил в спортзал, от желающих повредить самочувствие это не спасало. Витёк с ослиным упрямством дёргал голодного семейного кота за ус, проверяя реакцию окружающих.

А перед самым окончанием института Виктор Победитель повредился. Рассудком. Витя подбивал клинья к девушке и уже воображал себя одетым в свадебный костюм. Воображаемая невеста сделала отказ. Вы можете это считать авторской шуткой, но фамилия у несостоявшейся невесты была записана в паспорте как... Членова. Перспективы союза? Витя Членов? Наташа Пшнаух?

Я повреждённых повидал. Несколько лет назад один мой сосед тоже того, повредился... Даже не знаю, как правильно выразиться. То ли у него «кукукуха поехала», то ли «фляга протекла». Пусть будет «фляга засвистела». На почве обилия в доме мышей он начал питаться, главным образом, кровяной колбасой. И весь двор ей угощал. Мусофобия – врагу не пожелаешь.

У Вити крыша тронулась иначе. За спиной всё-таки пять курсов политеха... Витя вышел на тропу изобретений и в день переезда принёс мне письмо с требованием доставить его по электронной почте в Конструкторское бюро Туполева. Изобретение сопровождалось текстом из Евангелия. Каждую неделю он приходил за ответом, подозревая, что я присвоил себе его ноу-хау. На такое послание я и сам с энтузиазмом стал ждать отповеди. Как знал, что по прошествии ряда лет включу в свою книгу экспонаты такого рода.

«Здравствуйте. Решил Вам написать письмо. Я собирался поступать в МАИ, но девяносто второй год перечеркнул мои надежды. Я стал инженером-танкистом и спроектировал самолёт нового поколения. Всё, что Вам надо сделать, – построить по моим чертежам самолёт и испытать модель в аэротрубе. Храни Вас бог. Многие же будут первые последними, и последние первыми. Ваш названный брат, Виктор Пинаух».

Евангелие ещё в армии настолько глубоко запало в мятущуюся Витину душу, что, по-моему, он начал себя отождествлять с Андреем Первозванным. И зимой, и летом от него пёрло жареной рыбой, хотя новоиспечённый апостол и предпочитал осеннюю рыбалку.

Середина осени, бредёшь в болотных сапогах по речке, которую вот-вот схватит молодой ледок. Присвечиваешь фо-

нариком. О, застывший силуэт. Острогой его, бац. Налим, возможно, щучка.

Для полноты ощущений с острогой Витенька теперь не расставался. Постоянно носил её с собой. В чехле. А если кто обижался на Пшнауха, и ткнуть мог в четверть силы. Что ты ему сделаешь? У человека пенсия и справка. Откуда надо справка.

Я стал бояться. Когда я замечаю его, разворачиваюсь и иду в противоположном направлении, только бы не встретиться взглядом. Он повсюду...

Слава Фаберже. Через полгода девиантный юноша нашёл себе работу. Оператором. Устроился туда... где Костя.

Я всегда знал, что псих может притворяться здоровым лучше любого психа.

Отныне у Вити есть интернет. Когда он подходит к какому-либо сотруднику, то трогает его за плечо и произносит, чуть с задержкой: «Ира... Ира». Таня... Таня, Костя... Костя.

Бесстрашный, как россомаха, Костя начал его осторожно звать Витя-Витя.

Витя-Витя Пшнаух. Начал звать очень осторожно, ведь острога до сих пор при нём.

Душа компании... В один прекрасный момент я понял: душой компании мне никогда не стать. Не будут вызванивать

до последнего и праздник начнут без меня. Поэтому я принял решение в себе развивать другие качества, отличные от «души».

Я принял решение всегда делать одно и то же дело – молчать. Когда не мог молчать, говорил. Говорил чаще, чем молчал. Потому что не мог.

А душа компании через несколько лет оставалась одна с кучей долгов и проблем, потому что занималась не тем, чем надо. Бесцельно прожитые годы, не те желания и женщины не те.

Тупой угол

«Думает парень ночь напролёт,

Ту ли девчонку в жёны берёт.».

«Тум-балалайка».

Еврейский фольклор

2003 год. Осень. Я сидел в машине и ждал Дашу. Даша работала мерчандайзером. Или, как говорил Костя, мурчун-дайзером. Мерчандайзер – это в высшей степени ответственная работа: надо взять бутылки пива с верхней полки и переставить на нижнюю. А потом расставить пиво на полке в нескольких местах как можно шире.

Мерч – это целая наука. Хлеб надо разместить в магазине как можно дальше от входа. Пиво расставить в трёх местах, чтобы покупатель постоянно на него наталкивался. Необходимо соблюсти главное правило продажи – чем больше пива в магазине, тем лучше его покупают. Справиться с этим мог только очень подготовленный сотрудник. А главное, предельно мотивированный.

Разверзлись небесные хляби – это обязательное условие для встречи с Дашей. Нелётная погода и плохое настроение, тогда-то про меня и вспоминали. Даша, конечно, была самым странным явлением в моей жизни. Каждый раз, приступая к описанию неправдоподобной истории о ней, я возвра-

щался к нулевому меридиану. В результате плюнул и последовал завету школьного учителя литературы.

1990 год. Людмила Дмитриевна (это мой учитель) ценила краткость и ёмкость. Но даже она, как я помню, была слегка удивлена моему итоговому сочинению по главному произведению Льва Толстого. Сочинение обсуждалось на педсовете школы, голоса разделились. Я позволю себе привести сие творение полностью: «Пока другие сомневались и умирали, Наташа обрела настоящее женское счастье: деньги, детей, секс и власть над мужиком».

Учителя уже знали слово «секс», но пока его побаивались. Голоса на педсовете разделились. Одни уверяли, что правильно писать: «Дети», – а оппоненты спорили: «Детей». Но сочинение пришлось переписать... два раза.

2006 год. Вот и о Даше я осмелился написать: «Мы странно встретились, и я для общества погиб. Футбол, Москва, «Спартак», победа. Кафе для тех, кому легко так на душе. Весь персонал в кафе – двенадцать фурий. И все, как Даша... на одно лицо. Я понял, Даш без счёта. И чувства все песцом. Накрылись». Коротко, как смог.

2003 год. Осень. Я только что вернулся с неофициального чемпионата мира по нардам, где занял (хочется написать, что первое место) почётное шестнадцатое место. Триста долла-

ров призовых приятно согревали карман.

В финал турнира вышли азербайджанец и «грузинец». В матче до ста побед чемпионом стал представитель Баку. На кону стояли тридцать тонн бакинских и новая «Камрюха». Но не это поразило меня в Джамбуле. По дороге на вокзал таксист остановился на перекрёстке. Из впереди стоящей машины вышел человек и пошёл лобызаться с другим таким же из встречного ряда. Все водители застыли, на что я таксисту:

– Посигналь.

– Нельзя, это каэнбэшиники. Они сейчас посаламкаются, побазарят и разъедутся.

И вправду, через пять минут мы поехали дальше. Чудные нравы, однако, царят в южном городке...

2003 год. Осень. Субботний ноябрьский день, на удивление ясный и тёплый. Я сидел в тонированной машине и ждал Дашу, чтобы поделиться впечатлениями о поездке, когда увидел... невесту Денчика в обнимку с его лучшим другом. Невеста смотрела на друга глазами втюрившейся болонки и ходила змейкой между ног, как дрессированная кошка. Они целовались едва ли не на капоте моего тёмносинего «немца», с чуть лёгким беспокойством оглядываясь вокруг.

Есть невесомый флёр в эфире отношений,

Когда ты их так предаёшь слегка.

Скрестив руки на груди и приглушив музыку, я с цинизмом стоика или со стоицизмом циника молча взирал на влюблённых... лишь бы росой любви краску на машине не испортили.

* * *

Подоспел Новый год. Мы отмечали его в «Узбечке», на тот момент самом интересном ресторанчике города. В час ночи под песню «Вот так» («Русский Размер») появился Денчик... со своей суровой пассивей. Они держались за ручки, безмолвно сидели за столом и буровили меня глазами. Может, и не буровили, но к тому моменту во мне уже булькал литр коньяка, и вот-вот моей скромной персоне должны были присвоить чёрный пояс по подвигам Геракла.

Думаю, всё-таки буровили.

Тринадцатый подвиг я решил закончить разоблачением порочной любви. Как меня распирало тогда... после каждой прожитой минуты ноги сами несли на тот край стола, но Костя с Танюхой повисли гириями у меня на руках, защищая, как триста спартанцев, чувства Денчика.

Ну и зря защищали. На двадцать третье февраля Денчик пришёл на работу в стельку пьяный и сказал, что всё. Не просто всё, а уже скоро состоится свадьба. Свадьба. Между ни-

ми. Ну да, если бесконечно смотреть на девушку, можно увидеть, как она выходит замуж. В любовном треугольнике Денчик оказался тупым углом. Углом, который пообещал, что эту свадьбу они запомнят надолго.

Странно, что Денчику в принципе удалось напиться. Ещё год назад после нескольких собирушек мы с Костей выступили подписантами в приказе, где в письменной форме обязались никогда не посылать Денчика за водкой, потому что каждую вторую бутылку он на безвозмездной основе умудрялся распределить среди ментов в подземном переходе.

На работе Денчик отвечал за музыкальное сопровождение. Весь остаток зимы меланхолия стала постоянным спутником отдела АСУ. Денчик всё чаще засматривался вдаль, напевая песню: «Снегом стать». Внутренний мир буквально пропах эстетикой самоубийства. И все смешинки проходили мимо страдальца.

У работников отдела АСУ как-то не складывались дела с Наташами, коих, как назло, в медицинской среде имелось изрядное количество.

То одна Наташа позвонит из отдела и на вопрос: «Откуда ты звонишь?» – «С АСУ», – более чем интригующий ответ для коллектива, где находится Константин.

– Повторите? – вопрошал Костя, заливая щёки собеседницы пунцовой краской смущения.

То другая Наташа залетает в кабинет. Подбежала к одному сотруднику – тот качает головой, ко второму – тоже мимо, тогда Наталья на всю комнату:

– У кого-нибудь стоит? – вопрос касается какой-то программы, но это неважно.

– Спасибо, что здоровьем интересуешься, – это вновь Костя.

* * *

Наступил март. Отчётный период. Опять стайки медработников потянулись сдавать статистику, для чего посреди кабинета поставили огромный стол...

Наталья работала медстатистом в диагностическом центре.

В центре, который на всю республику славился своим главврачом. Едва прошло лет десять со времён распада СССР, как из людей попёрло всё дурное. Ерс... впрочем, совсем неважно, на какое имя он отзывался, оскотинился одним из первых. Среди других главврачей за внешний облик он имел кличку Копчёрный, персонал же больницы звал его исключительно: «Дашь, тогда получишь». Всех молодых сотрудниц вне зависимости от возраста, пола и национальности он пропускал через сауну – единственный способ для медсестёр и санитарок в трудные девяностые годы полу-

чить зарплату. Главврач имел до такой степени волосатую лапу в Астане, что прокуратура только разводила руками.

В тот день я после обеда заскочил по делам к Косте. Огромный стол, за которым спиной к парням сидела очередная Наталья. И я невольно перехватил взгляд Денчика...

Только-только ушла эра джинсов до подбородка, как пробили час проколотых пупков, татуированных поясниц и разноцветных стрингов. Заниженные джинсы стали символом новой эпохи.

Я перехватил взгляд Денчика на стринги медстатиста и всё понял. В голове Денчика созрел дьявольский план. Взгляд меня как будто перенёс почти на двадцать лет назад...

1983 год. Жаркий сентябрь. Не помню, кто из нас первым придумал подглядывать за девочками, прыгающими через резинку. Мы «подсекали», кто наиболее полно сверкнёт при прыжке трусиками. Чтобы никого не пропустить, завели альбомный лист с фамилиями и расчертили его. Это была первая в мире попытка систематизации изделий лёгкой промышленности Советского Союза по цветам и размерам с помощью нехитрой игры «резиночка».

Матрица заполнилась в мгновение ока, лишь одна клетка долго оставалась пустой. Рослая Ирка хоть и носила наиболее короткую юбку, но, высоко прыгая, плотно юбку при-

жимала.

В дело вмешался крокодил. Вмешался и спас дело. Наш класс вместо уроков поехал на экскурсию в зоопарк. Увидев большой чан с водой, Колян крикнул: «В чане крокодил», – и все полезли посмотреть на рептилию. Я до бортика не допрыгнул, росточка не хватило. Зато последняя ячейка в матрице оказалась заполненной...

Четвёртый класс. Начало изучения английского языка.

Много позже я узнал про цингу и отсутствие зубов у англичан, которые выдумали самый шепелявый язык на планете.

Семь лет мы будем пилить учебник про семью Стоговых. Семью, которая будет расти вместе с нами. Англичанка, Нелли Лукьяновна, добрейшее на свете существо. Благодаря её доброте аглицкий в школе так никто и не выучил. На первом уроке англичанка велела принести на занятия зеркальце – ставить с помощью него шепелявое произношение. Конечно, зеркальце использовалось по прямому назначению. Оно размещалось под партой, чтобы мельком в нём поймать то самое отражение уходящего лета под юбками одноклассниц. Затем кто-то придумал обклеить кеды осколками зеркала, но затею без промедления свели на нет юные хранительницы секретов – нажаловались, и осколки пришлось отодрать.

Став чуть постарше, мы уже цепляли одноклассникам прищепки с ниткой, которую перебрасывали через плечо.

Подходишь и заостряешь внимание, мол, что это у тебя за нитка на плече...

Всё это промчалось у меня в голове за секунду. Наталья цельный третий день сидела в кабинете, а Денчик даже не знал, что, пока он деградировал, за ней закрепилось прозвище: «Стринги до ушей, хоть завязочки пришей».

Выражение глаз красноречиво свидетельствовало о том, что Денчик предполагает натянуть ей стринги на уши. Денчик, что называется, ожил и раздухарился.

Денчик был пентюхом, не в привычном понимании этого слова. Классический пентюх встречается с одной, хочет переспать с другой, а на прицеле держит третью. У Дениса всё заведённым порядком, по стандарту, как у классического программиста.

Карагандинский лексикон тех лет породил поразительное словечко «камловый». «Камловый» с английского дословно можно перевести как «идуший на зов любви», но на самом деле оно обозначало... духовитого придурка. Денчик стал камловым.

Один взгляд породил цепочку головокружительных скоротечных событий, сомнительный итог которых – прогулка в ЗАГС с Натальей. Ещё более удивительным образом день и час бракосочетания совпали с тем же днём и часом, что и у прежней пассии.

Две свадьбы встретились в ЗАГСе. Одни и те же гости бы-

ли приглашены на оба мероприятия, даже дружкой оба уже в прошлом товарища позвали одного и того же человека. Гопкомпания Денчика танцевала в фойе свадебного дворца сиртаки и вообще веселилась от души.

На свадьбу с большим количеством оттенков неожиданности из всей нашей честной компашки отправилась одна Танюха. У Тани всегда слова бежали поперёд мыслей, в силу этого рассказ о торжестве получился несколько скомканным, но не менее захватывающим. Какая-то из невест нарядилась в беременное платье, но какая точно, мы переспросить постеснялись...

Минули годы. Денчик с Натальей работают на медицинском поприще и всецело успешны. Несостоявшаяся жена на каждом новогоднем корпоративе, не чураясь возможных сплетен, рассказывает историю о том, как её отбили у нескладного кавалера. На фирме её зовут «отбитой Катей». Последний раз, когда я видел Катю, она, как и в прежние годы, всё так же счастливо ходила змейкой.

Часть 3

Синкопа

Приказ по фирме «Жёлтый стресс».

Всем коллегам.

*Кто сочтёт книгу пасквилом, будет
расстрелян.*

Кто сочтёт аллегорией, будет распят.

Кто сочтёт сатирой, будет обезглавлен.

Кто сочтёт ехидством, будет четвертован.

Кто сочтёт издёвкой, будет сослан.

*Кто найдёт в ней иронию, будет просто
смеяться.*

Шеф.

Синкопа – в музыке смещение сильной доли на слабую. Я постараюсь рассказать о выездной работе программистов, не рассказывая ничего о них самих. И о программах тоже ничего не будет. И о компьютерах. Только о людях вокруг.

На старой работе всё было отлажено, как швейцарские часы. А когда всё хорошо, это начинает осточертевать. Хочется чего-то новенького.

Подходя к работе, я увидел, как возле мёртвой (убитой рано утром дворником) жирной крысы сидела живая и пла-

кала – это знак...

Кукумбер

2001 год. Июль. Совсем недавно меня пригласили на фирму, которая занималась внедрением программы «Жёлтый стресс». Олег, владелец компании, долго убеждал, что лучшего места работы мне не найти. Какие-то познания по части «стресса» к тому моменту я уже имел, но многому придётся научиться. И с должности начальника я перешёл на рядовую, с меньшей зарплатой – такой вот отрицательный прогресс.

Первый день. Собеседование. Собеседование с Зоей. Зоя Тире Хозяин Предприятия. По крайней мере, так мне показалось, хотя устраивался вроде бы на фирму я к Олегу, а не к этой гангрене за порогом климакса. Угрюмо смотрит исподлобья Зоя.

До этого момента я знал, что аббревиатура «Зоя» расшифровывается как «Змея особо ядовитая». У нас одно время хватало людей, кто переиначивал свои имена на русский манер. Так Тулеген звался Толиком, Алия – Аллой, а Зоей была Зайтуна.

Зайтуна. Асимметричное лицо. Правый лицевой профиль похож на мышиный... а если смотреть слева – на крысиный.

Такая милаха. И разговаривала Зайтуна так же: пи-пи-пи, путая меж собой диалекты крыс и мышей. Диалекты без букв «ч» и «щ», которые детстве так и не удосужился отремонтировать логопед. А носимый запас яда передался ещё от ро-

дителей, которые «трудились» в КГБ, как потом выяснилось.

Что делала на фирме Зоя? Она была лидером. Да, лидером.

Лидер! Идейный! Самопровозглашённый! Ведь именно она пять лет назад подсказала Олегу новое перспективное направление – «Жёлтый стресс». Зоя ни черта не смыслила в программировании, предпочитая работать руками других сотрудников.

Кнопку «Insert» со знанием дела называла «Инсёрт», а «Check button» – идеологической галочкой или индикатором ответственности.

На предприятии работников немного, и все как один с испорченным, скорее, с побитым молью жизни характером. Так что Зайтуна воспринимала себя на их фоне королевишной. Олег был легко внушаемым и верил ей безоговорочно. Но это я пойму чуть позже, а пока...

Собеседование. Зайтуна появилась, как крыса: капельку привстала, опираясь на хвост, втянула воздух с трёх направлений... опасность! И так, шустро перебирая ножками, останавливаясь и делая обманные движения, ловко затаилась за спиной Олега, выглядывая то через левое плечо, то из левой подмышки. Справа сидел я. Опасность!

С первых же минут Зоенька пыталась меня подмять под своё мнение, остро почувствовав конкурента. Неласково меня встретили, ох, неласково.

В дальнейшем я понял, что в офисе Зайтуна открыла фи-

лиал кафедры «Очковтирательство», где с блеском преподавала две дисциплины: «Потёмкинская деревня» и «Туфта». Знания по этим предметам Олег переваривал туго и получал сплошные двойки.

Стоило Зайтуне сказать: «Олег, я расчистила семидесятый счёт», – как он радостно подпрыгивал и произносил хвалебный спич. Когда я спросил:

– По какому поводу щенячий восторг?

– Так семидесятый же счёт расчистили...

– Олег, ну что ты радуешься, как бусам папуас?

Молчит, надулся, не понравилось, но, может быть, заставило задуматься? Впрочем, нет, фраер-шоу продолжалось ещё долго.

* * *

«Справедливее умереть Одному за всех, Чем всем за одного».

Римский император Марк Сальвий Отон

Прошло две недели, я потихоньку осваивался на новом месте. И тут дурная весть – от саркомы умер мой товарищ. Я отпрашиваюсь у Олега на похороны, а Зайтуна своим крысиным голоском: «Надо работать, а не по похоронам шляться». Я был в прострации, и только это спасло горгону от сломанной челюсти – Олег встал между нами и закрыл гниду

широким корпусом. Жизнь могла свернуть в другое русло. Много позже я вспоминал этот момент и обдумывал песню Высоцкого: «Я женщин не бил до семнадцати лет», – а видение, как нос впечатывается в затылочную кость, стало часто являться мне во сне.

Восточный афоризм «Не торопись, и мимо тебя пронесут труп твоего врага» был мне неведом, а изгнать визиря из дворца султана Сулеймана надо. Визиря-самозванца. В таких ситуациях я всегда действую по принципу графа Монте-Кристо: «Не мстят только трусы». Бог дал ответку Содому и Гоморре. Я тоже открыл боевые действия. Пока тихой сапой.

Зайтуна позиционировала себя завзятым театралом и трагическим голосом Шекспира произносила: «Я читаю Шекспира в подлиннике». Она каждый день грызла ноготь в мою сторону и просила при ней не произносить слово «хрен» в сакральном смысле.

Рабочий день я начинал со скабрёзного анекдота, который рассказывал во весь голос, а потом включал какую-нибудь невинную песенку Андрея Алексина или группы «Красная плесень».

За фирмой числился один очень хитрый клиент, к «домику» которого вело две дороги: длинная асфальтированная и короткая степная. Была организована оперативная комбинация с прикрытием, чтобы при любом раскладе в конце июля Зайтуна отправилась к этому клиенту вместе со мной.

Едем. Я включаю печку, открываю все окна и шаловливо сворачиваю на степную дорожку. Цветёт полынь, у змей на неё сплошь да рядом аллергия. Вся в красных пятнах, исходящая соплями Зайтуна источает отнюдь не шекспировские выражения. Это недостойно самурая, но достойно охотника за вампирами, иначе кровососов не победить... Обратнo Зайтуна поехала на такси. По асфальту.

Целый год борьба шла с переменным успехом, но тут случилась неурядица. На первый взгляд процветающая фирма встала на ступень банкротства. Олегу не хватало человека, который бы сумел контролировать и направлять финансовые потоки. Такой человек нашёлся.

* * *

Лариса Изотовна.

2002 год. Ей уже за шестьдесят. За плечами сорокалетний опыт работы ревизором в КРУ (контрольно-ревизионное управление) и крупных корпорациях города. Глыба. Стальная выдержка и не менее стальная нервная система. Она в голове держит все изменения налогового учёта и может с точностью до миллиметра вычислить путь бензина от горловины бака до выхлопной трубы, посчитать профит водителя и пресечь хищение. Лариса Изотовна в короткий срок разложит все деньги по нужным кучкам, и предприятие воспрянет духом... я забегаю вперёд.

Красуясь в центре на фото под названием «Молодой и дружный коллектив», Изотовна будет воплощать в своём лице мудрость и спокойствие этого коллектива. Бесценная «школа денег», которую я пройду под её началом, позволит мне через годы называть Изотовну своим учителем. Но это произойдёт позже, а пока...

«Cool as a cucumber».

Дословно: «Прохладный, как огурец».

Английская идиома, означающая «спокойный, как танк».

Нерадивые студенты говорят: «Крутой, как кукумбер».

А пока утро. Офис. Лето. Зайтуна разгадывает кроссворд, не работая же. Слово из восьми букв, овощ. Я из своего угла откликаюсь: «Кукумбер». «Свободно распоряжающаяся Шекспиром в подлиннике» Зоя юмора не понимает, действительно владеющая языками Маша от смеха трясётся всем телом, Андрюха лежит на полу и дрыгает ногами. А кличка Кукумбер с этого дня намертво приклеивается к Зое.

Место, где чувствуешь себя, как на восточном базаре.

– Покупай помидор, вкусный, как сникерс.

– Это арбуз. Вкусный. Сочный. Восточный.

– Будь деловой, пока молодой.

– Купи орех на грех.

Примерно так я стал себя ощущать на работе.

«Как ныне собирается вещей...»

Олег... Хорошо, что я Андрей.

2001–2010 годы.

Олег – это шеф фирмы, на которой я проработаю очень долго. Все годы тут я одновременно и сторонний наблюдатель, и соучастник всех метаморфоз. Метаморфоз и фирмы... и Олега.

Олег, пожалуй, самый разнополярный руководитель из встреченных мной. Работа под его началом в корне отличалась от всего того, что я видел за окнами фирмы; я и подзадержался здесь надолго. Поприще «Жёлтого стресса» затягивало, затягивало и затянуло.

2001 год. Когда я пришёл на фирму, это был этап становления бизнеса. Олег ездил на «утопленнике», «Ипонце-ЖипИсузу», в котором следовало «ловить» сцепление. Олег рассуждал так: «На обычной машине любой дурак сможет ездить, а ты попробуй на такой, где ноги через дырки в пол проваливаются». И, глядя на этот «Исузу», я помимо своей воли источал причудливый японский смех.

Помните такой «японский смех» из ГДР? Устройство с батареей и пластинкой? Нажимаешь на кнопку, и устройство минут пять заливается смехом. Примерно к третьей минуте и тебя пробивает на смешинку.

Олег был скрипачом, альпинистом, танцором, тхэквондистом. И про всё это он мог рассказать (да и рассказывал) гораздо больше, чем про программу «Жёлтый стресс», на внедрении которой строился весь бизнес. Он честно попытался овладеть азами программирования, но не случилось. Олег запомнил словосочетание «базовые объекты» и ладушки. Теперь это понятие можно было вворачивать с умным выражением лица в любую профессиональную речь.

Вообразите, что вы врач. Вообразили? И выучили лишь два слова: «Нервная система». Теперь можете со знанием дела вести научные беседы.

– Мы вчера провели обследование.

– Нервной системы?

Или:

– Я дал пациенту таблетку.

– И как она подействовала на нервную систему?

Или так:

– Какую вы знаете систему?

– Нервную.

С базовыми объектами то же самое.

– Мы написали новую программу.

– На базовых объектах?

На чём же ещё, если не на них. Можно каждого на себе-

седовании спросить: «Какие базовые объекты вы знаете?»

И я, когда слышал это словосочетание, вспоминал «незаменимое пособие», которое Остап Бендер продал Ухудшанскому.

* * *

Я предпочитал эксплуатировать полученные навыки, а Олег постоянно учился и всегда старался быть в тренде. Такому стремлению можно только завидовать всеми видами зависти. Коллектив вырос, бизнес устаканился, пришла пора реализовывать свои детские фантазии.

Никогда не давайте директору в руки сканер штрихкодов, он может на них помешаться.

*«Будь проще к людям. Хочешь быть мудрей —
Не делай больно мудростью своей».*

Омар Хайям

Детские фантазии. Кто-то мечтал в детстве стать лётчиком, кто-то – рвануть на Аляску мыть золото (я, например, мечтал стать лётчиком и рвануть на Аляску мыть золото)... Олегу не давали покоя лавры Демосфена и Троцкого. Шефа подмывало стать оратором.

Он им стал.

Часовая утренняя планёрка на фирме превратилась в апогей ораторского искусства. Планёрка, после которой все стремились в темпе свалить куда подальше, пока не последовала вторая серия.

И если клиент просил нанести визит к нему с утра пораньше, ты ему сообщал: «У нас «планёрка», если вы понимаете, о чём я говорю». Клиент был в курсе и понимал. (Любое предложение приобретает другой смысл, если к нему добавить: «Если вы понимаете, о чём я говорю».)

Неопознанное привидение ровно в девять часов делало Олегу прививку из слов, которые потом складывались в конвейер косноязычных предложений. Распинался на планёрке один Олег, настойчиво повторяя нам, сиволапым: «На планёрке должны разговаривать все». Бывает риторический вопрос, а это было так называемое риторическое предложение.

Первая фаза планёрки именовалась «Примочка». Сначала по рогам получали те, кто накосодырил. Затем те, кто набедокурил. А потом всем подряд давали горькую пилюльку.

Дальше следовала вторая фаза под названием «Болливуд». Олег входил в раж и сыпал фантазиями о том, что каждый из нас обязан вскорости сделать. Размах уровня «вся Индия танцует Джинни-Джинни». А мы вместе подпевали: «Хача-хача».

И в этом месте я тихонечко произносил: «Десять программистов проект решили сделать. Один спросил, а деньги где? И их осталось девять». Олег заявлял, что он не дурак, у него

есть уши...

И планёрка перетекала в третью фазу, которая носила название «Фёдор Двинятин».

В передаче «Что? Где? Когда?» имеется такой фунтик Фёдор Двинятин. Умный... В честь его ума даже команду КВН называли: «Фёдор Двинятин».

В третьей фазе разыгрывался моноспектакль с изрядной долей отсебятины, где презентовались «плоды учёности» с очередного семинара. Семинара, который недавно посетил Олег, где он вычленял для себя какое-нибудь одно интересное словосочетание (вроде «базовых объектов») и с полным «знанием дела» на планёрке приступал к рассказу, что такое «воронка продаж» или «дедлайн». Представьте себе, как китайский эмигрант учит лорда Великобритании парламентским выражениям. Представили? Тогда вы понимаете, о чём я говорю.

С очередного тренинга Олег привёз выражение «нематериальное стимулирование сотрудников». Произнося с придыханием эту фразу, шеф начинал вырабатывать электричество, светился собственным светом и бился в конвульсиях, так ему нравилась идея: «Персонал работает за право красиво называться». Тут уж даже Костя начинал притоптывать ногой: «Эль пуэбло унидо, хамас сэра венсидо», – чтобы погасить возникший электрический потенциал.

К этому моменту у всей фирмы проявлялась неврологическая симптоматика. Я раздражённо прикусывал фалангу

указательного пальца, Лёша дрыгал ногой, Зоя в десятый раз уверенным движением смахивала воображаемый кагэбэшный погон с плеча, Маша по памяти рисовала в блокноте портреты принцессы Дианы и Марчелло Мastroяни, остальные, запломбировав свои желания, просто ёрзали и готовились приставными шагами отбыть в комнату с монограммой «эм/жо».

Кабы эти деловые семинары шли во благо... Олег с постоянством грабли попался на нехитрую индейскую формулу, которая известна каждому: «Утром золото, вечером бусы».

Однажды перед семинаром московский офис прислал опросник с просьбой перечислить ряд финансовых показателей фирмы, а в награду – кепка «Жёлтый стресс».

Лепёшка, в которую расшибся Олег, выгрызая из бухгалтера эти цифры, напоминала масштабами пиццу из книги рекордов Гиннеса. Всю подноготную о бизнесе Олег выложил постороннему дяде. Кепку дали. Две кепки. Даже три. Не обманули. После этого подняли взнос головному офису в четыре раза. Кепка получилась золотой.

Вспомнился один бородатый анекдот. Молдаван призывали в армию, по-русски они ни бельмеса. Старшина выстроил всех и давай сверять учётные данные.

– Фамилия? – спросил у первого.

– Намынцеллес (молд.: не понимаю).

– Фамилия? – спросил у второго.

– Намынцеллес.

– Братъя, что ли? – Ладно, записал.

– Фамилия? – спросил у третьего.

– Намынцеллес.

Старшина как врежет ему в челюсть.

– Валеу, валеу (молд.: больно).

– Так и запишем – Валеу, а то заладили – намынцеллес да намынцеллес.

Логика в принципе являлась сильным коньком патрона. Он утверждал, что все, кто родился на берегах Дуная (где он? и где Дунай?) – недалёкие, им надо ездить на лошадях, потому что две головы лучше, чем одна. У меня была подруга, чьи родители родом как раз оттудова, и меня умозаключения шефа «жутко забавляли». Не хватало шефу кругозора, чтоб помыслить, а вдруг на предприятии работает и сотрудник с молдавскими корнями. Но он гнул свою линию. А человек, чьё имя мы оставим в тайне, действовал по принципу вьетнамского студента в общежитии московского университета: «Вы не будете мои ботинки к полу прибивать? Ну, холосо, я тозе вам не буду писать в чай».

* * *

Чего не отнять у Олега, так это... заботы о подчинённых. Если сотрудники выдвигались в служебную командиров-

ку, то Олег неизменно приезжал на вокзал передать в дорогу курочку-гриль. А Зоя, которая до этого битый час проповедовала отказ от мяса, с умилением начинала восхищаться тушкой курицы. А если бы Олег принёс жареных кузнечиков? С подобострастием десяток проглотила?

В Олеге уживались две вкусовые линии, весьма далёкие друг от друга. Шеф слюнявил палец и подставлял его ветру, чтобы с помощью левой пятки определить, какая из вкусовых линий сегодня на боевом дежурстве. И если побеждала вторая, то горе тому сотруднику, который находился рядом с ним в этот момент. Он так и объявлял: «Минуточку, у меня вторая линия».

Первая означала поход в хороший ресторан. Изысканные блюда, хорошее вино и грех чревоугодия.

А вторая кричала во всё горло («Беги, Лола, беги»), что Олег будет проверять ваши желудки на прочность. Он вселял в собеседника уверенность, будто самая элитная еда готовится в придорожных кафешках, обосновывая своё желание отхарчеваться словами: «Если они будут плохо готовить, их сожгут». И добавлял: «Сожгут, как ведро с колорадскими жуками».

Если Олег отъезжал от города хотя бы километров на сто, то по дороге гарантированно вливал в себя все местные жидкие деликатесы: ядрёный кумыс, шубат или айран, с тонкостью ценителя обсуждая с пастухом послевкусие напитка. Попутчикам пробовать эти напитки вменялось в обязан-

ность.

Однажды в преддверии семинара в южной столице Олег купленным на вокзале шубатом обеспечил трёхдневное дрис-талово всем, кто готовился там выступить. На съёмной квартире сотрудники символично лежали пластом в форме букв «Ж» и «С», немногим отличаясь от зелёного Водяного с двумя парами бровей.

Знаете, откуда вторая пара бровей у Водяного? Это Леший ему проиграл свои в карты.

Мы с Лёшей в славном городе Сатпаеве запускали программный комплекс «Жёлтый стресс» в супермаркете. Были ещё такие города, где всё дышало запахом восьмидесятых. До боли знакомые названия магазинов: «Океан», «Кооператор». Ты едешь по улице и, свернув на светофоре, попадёшь не на другую улицу, а сразу во двор жилого дома, где дети играют в асыки. Кафешки-тошниловки, в которых невозможно кушать, и ты терпишь до вечера, чтобы в соседнем городе поесть в ресторанчике «Малибу». В том самом ресторанчике, где тебе в счёт пробуют приписать лишний нолик и, моргая невинными глазами, пытаются списать ошибку на программу:

– Вы знаете, программа «Жёлтый стресс» никогда не ошибается.

– Так у вас же счёт от руки выписан?

– Мы просто переписали цифры с монитора...

На открытие супермаркета «помогать» приехал Олег, загрузив под завязку машину коллегами.

– Где тут можно хорошо покушать?

– Нигде.

– А вы что едите?

– Мы голодаем. Ждём вечера, чтобы поехать в соседний город и там поесть.

Он смерил нас взглядом человека, который голодать не будет, и нашёл ресторанчик по своему вкусу. После открытия коллеги во главе с Олегом отбыли... последствия той поездки стали известны много позже. Шестьсот километров до Караганды. Вместо десяти часов неспешной езды они в дороге провели шестнадцать. Высунувшись из окон, искали по пути кусты и овраги, вспоминая тот дристоранчик...

Будете в Сатпаеве, не кушайте в ресторанах. Хотя бы в том, где побывал Олег.

Страничку во «Всемирной истории отравлений» Олег себе точно забронировал.

Второй день работы на фирме. Подоспел первый клиент. Мне доверено установить программу и обучить его азам работы. Клиент оказался чуть более отрицательным, чем я предполагал, читая в накладной название предприятия. Но к неожиданностям я был готов.

Отлучение

«Все люди – братья, люблю с них брать я».

Виктор Николаевич Дени.

Плакат, 1919 год

2001 год, июль.

Отношения с богом у меня как-то не складываются.

Дед мой считался ярым коммунистом, таковым и остался до последней секунды. А бабушка, хоть и состояла в партии, особо заветам Ленина не следовала и на старости лет, украдкой, таки повесила над кроватью иконку.

Я-то свою бабушку молодой не видел. Так получилось. Знаю только, родилась она в самую смутную годину, когда село по нескольку раз на день переходило в девятнадцатом году от красных к белым. И в местной церквушке поп нарёк её Александрой.

Бабушка работала учительницей начальных классов и, казалось, пестовала своих учеников до пенсии. До их пенсии. В классе учился мальчик, который не принялся ни в пионеры, ни в комсомольцы, за что мою бабушку песочили на партийном собрании. Зато после школы будущий архимандрит поступил в Ленинградскую духовную семинарию. Наличие в СССР семинарии – чудо само по себе. Бабушка всегда высказывалась в таком духе, что если бы все попы были такими, как её ученик, то вопрос веры никогда бы не стоял на

повестке дня.

*С тех пор и попы обмельчали, и попы попов по швам за-
трещали.*

*За чин плати, за приход – плати, за паству – двойной
оброк.*

*Главным страхом неверующего человека стало приглаше-
ние на похороны богомольца, который досконально разбира-
ется в божественных канонах и, хуже того, норовит вас за-
ставить их соблюдать. Если повезёт, в манере жреца вуду он
сделает из вас зомби, не повезёт... подведёт к роковой чер-
те. Чаще всего таким затесавшимся богомольцем оказыва-
ется одинокая совсем не старая старушка в богомерзком
платке, которая будет корчить страшную мину при малей-
шем отклонении от правил... и тюкать вас, тюкать...*

Пообедав дома, я прихватил один забавный талисман и
махнул к клиенту. Клиентом была церковь, которой тоже по-
надобилась программа. То ли иеговисты, то ли адвентисты
энного дня, то ли ещё какая неведомая ветвь охмурения.

*Через пять лет в Израиле я с ветерком прокачусь по
всем знаковым для христианства местам. Может, торк-
нет? Отношения с богом сложатся?*

Торкнуло... Спёрли (а на самом деле натурально с... силь-

но спёрли) у меня из кармана двести баксов. Спёрли в самом знаковом для христиан месте. В пещере Храма Гроба Господня. И мои не взошедшие ростки веры окончательно зачахли.

Говорят, безнаказанно воровать можно цыганам. По преданию, они украли один из гвоздей, которыми прибивали к кресту Иисуса. «Уголовный кодекс» это предание трактует статьёй 158 и даёт подумать о содеянном до десяти лет.

Один гвоздь украли, три осталось. Задача: сколько всего было гвоздей? На греческом острове Тасосхранится замурованный в дерево гвоздь. Оттуда. С тех времён. По миру их ещё штук двести. Надо по гвоздям коллоквиум провести, а то математика хромает. Если бы таким количеством настоящих гвоздей приколотили Христа...

А пока я прибыл в храм свидетелей Иеговы, повесил на вполне обычный гвоздь фирменный пакет с программой «Жёлтый стресс» и достал из коробки дискеты. Как и любой приличной конторе, церкви необходимо две бухгалтерии, одна из которых «белая», а вторая «чёрная». Чёрная в лучших традициях «Жёлтого стресса» (чтоб никто не догадался) называется «отладка». Сначала я обозвал программу «отдака», потом по Фрейду «отдалка». Исправлять не стал, вижу – бухгалтеру нравится.

Бухгалтер в церкви – это не один человек, это группа лиц по сговору. Главное лицо в группе – женщина с ослиной чёл-

кой и напыщенным оскалом, отражающим спокойствие шизофреника. Шизофреника, только что окончившего курсы личностного роста.

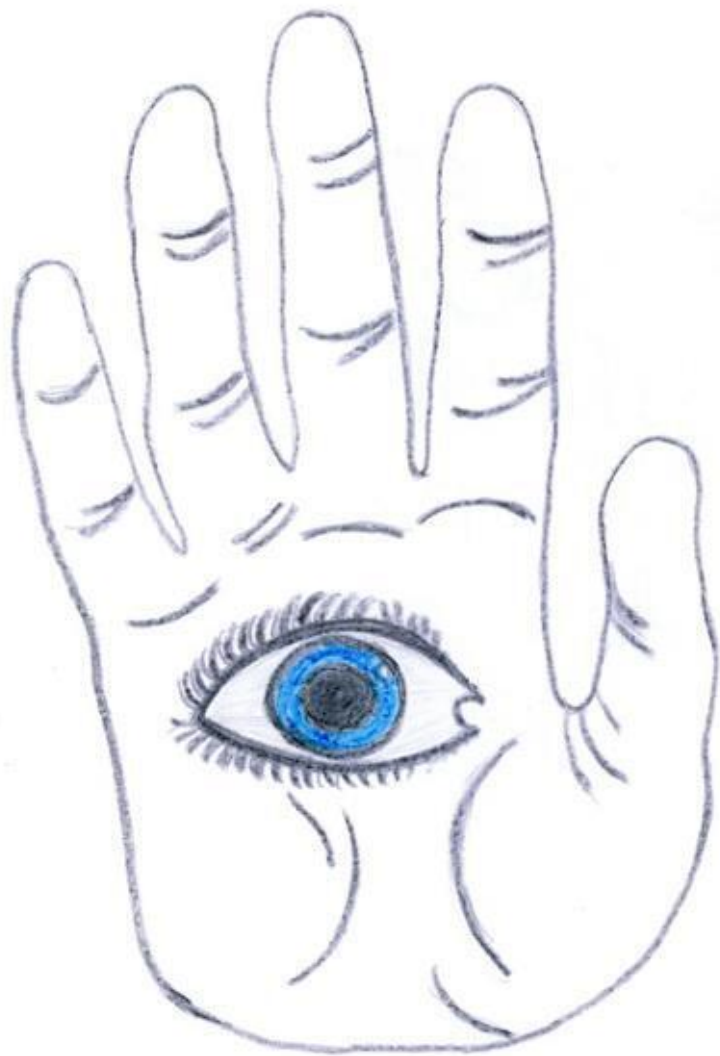
Лица встали полукругом вокруг меня в позе футболистов в стенке. Отблески инквизиторских костров в глазах мысленно настраивали их на получение десятины. Ещё до покупки программы они порывались выбить из директора «скачуху», но шеф в такие моменты подцеплял блаженную глухоту и давил из себя непонимающую улыбку юродивого.

Инструкции для слабых духом, поэтому после установки программы я приступил к вербальному обучению. К самому короткому обучению в моей жизни.

– Справочник сотрудников, работать с ним просто.

– Да и бог прост.

Остатки инквизиции на мне решили оттопыриться по полной. Далее последовала наиболее забористая из слышанных мной проповедей, которую я с улыбкой крёстного отца мафии стоически выдерживал. В течение десяти минут в меня вселились бесы воздаяния, я ощутил единение с православной церковью, почувствовал себя антипапой и по совместительству воинствующим дервишем.

Достав из кармана талисман, ладошку с глазом, который ищет в хате сук, я отлучил их навсегда от церкви. Так закончился мой второй рабочий день.

«Наш идеологический лидер» довольно обыденно запорол один из проектов, как и все предыдущие проекты, собственно. Но на третий день работы на фирме я этого пока не знаю, просто кому-то надо спасти честь фирмы. В Америке есть специально обученные делу спасения всякие Чипы и Дейлы, всякие Гаечки. Выбор директора пал на меня. Второй клиент. Очередная конфетка.

Первое слово

2001 год, июль.

После работы в государственных структурах я научился неплохо обходиться с лучшей половиной человечества. С той половиной, которая страдает от стервозности и находится в промежутке между бальзаковским возрастом и пенсией.

Главный бухгалтер. Да, стерва. Да, читает Бальзака. Манеры... как у сброшенной змеиной кожи, которая белеет среди сухих кленовых листьев. И улыбается так ласково... как аспид. Её никогда не преследует главный кошмар бухгалтера – руководитель выгреб кассу за день до уплаты налогов, а ты весь следующий день упрощаешь его привезти необходимый минимум.

Нет, если записаться в лист ожидания лет на пять, а лучше десять, то можно увидеть истощение запасов яда и перерождение. Это я пойму с годами. Аспид «перерастёт» свой возраст и станет образцовой бабушкой-змеёй. А пока мне двадцать шесть, натура ждать не может, и я выдвигаюсь на передовую...

Меня встретили как врага. Обшипели всякими змеиными нехорошими словами, я силился перевести их на людской язык, но получалось плохо. Указали рабочее место, выдали в помощники помощника бухгалтера и с ухмылкой голодной мамбы пожелали удачи...

Старинный отцовский друг, для которого бесплатно проехаться в автобусе было главным утренним приключением. Он безмолвно протягивал кондуктору сто рублей одной бумажкой и наблюдал за реакцией. Сдачи, конечно, не было. Проезд бесплатный. И раз, вручая сотню, потенциальный безбилетник впал в прострацию. Кондукторша, не протестуя, взяла деньги, сунула ему счастливый билет, а на сдачу вытащила из-под высокого сиденья увесистый мешок: «Специально собирала для тебя, гадёныш... копейками».

Когда мне пожелали удачи, это был тот самый торжествующий взгляд кондуктора из моего детства.

Помощник бухгалтера. Лариса. Молчаливая барышня. Удивительно правильные черты лица. Ни одной детали, чтоб придраться. Огромные иссиня-голубые глаза, которые, казалось, отражают безоблачное летнее небо Караганды. Почему казалось? Так оно и было.

Три дня бок о бок с Ларисой я приводил в порядок код программы. Змеюка из своей берлоги периодически выползала на сушу, как крокодил. Шпыняла, поругивала меня всякими забористыми словами, пилила моё руководство, заодно поругивая всех программистов на свете.

А молодого программиста несли с опухшей головой.

Наконец программа вылизана. Блестит. Временами цветёт, временами пахнет. Любо-дорого посмотреть. Акт выполненных работ подписан. Довольный собой, уже на выходе приоткрываю рот, чтобы сказать Ларисе: «Как вы только эту змеюку терпите?»

И за секунду до моих несказанных прощальных слов Лара, глядя на меня иссиня-небесными глазами, громко в сторону кабинета главного бухгалтера говорит: «Мама, Андрей всё сделал и уже уходит».

Мама.

Ещё секунда, и точка невозврата в деловых отношениях была бы пройдена...

С этой организацией я проработал до самой её ликвидации. А главный бухгалтер через пять, а может, десять лет превратился в симпатичную бабушку с внуками. Токмо внукам она будет запрещать называть себя бабушкой.

А можно обмануть судьбу? Но попытаться можно. Вот вы такой весь каратист, самбист и обладатель пояса по бальным танцам, подходите к подъезду поздним вечерком, а там компания, над вид не очень трезвая. Изловчиться и проскользнуть танцором мимо? Подойти, как каратист, и нагло так ударить кулаком под дых: «Вы что тут курите, придурки? Или тихонечко свернуть и часик погулять в сторонке? Какое решение правильное? Можно ли обмануть судьбу!

Шабаш

2001 год, июль.

Заурядная столовая ИВЦ КарУголь. Отличное место в начале двухтысячных, куда в сиесту (не Испания у нас, конечно, но плюс сорок в июле бывает) стекаются работники близлежащих, да и не только, офисов. Три поварахи на протяжении долгих лет придают этому общепиту уют.

Года через три в городе появятся первые культовые кафешки. Такие, как «Эгоист» или «Coffeein». «Coffeein» за оранжевый цвет невзлюбят вандалы и будут разукрашивать фасад надписями: «Вандализм прекрасен».

А пока столовая, которая в мужских умах имела неофициальное звание ЦПХ. И мы туда ходим, как на кадры.

Там я и увидел Олю. Сказать, что Оля была красива, значит прослыть лжецом. Оля была просто эталоном очарования. Очарование с аристократическими манерами. Есть такая порода людей, у которых еда на тарелке в процессе поглощения остаётся полноценным блюдом вплоть до последней крошки. Это про неё.

И тут я, сама обходительность и галантность в одном лице. Завертелось.

Где-то день на десятый Оля представилась, или обернулась, это как вам больше нравится, ведьмой. Потомственной. Со всеми вытекающими. Оленька преподавала в вечерней

школе колдунов. Школе со страшным названием ДЭИР.

Просто так народ в школу не завлечь, народ требует зрелищ. Дэировцы, или, как называл их Костя, «дырдыровцы» демонстрировали видео, где они перерубали карандаш дешёвой купюрой. Поначалу казалось, даже пережигали, а не перерубали. Видео было снято на камеру, на которую традиционно снимают Снежного человека и лохнесское чудовище.

ДЭИР – натуральная псевдонаучная секта по выкачиванию денег. Только дырдыровцам это не говорите. Иначе вас могут отдырдырить! Их этому учат.

«Не говорите. Потом сюрприз будет».

Но тогда это всё казалось романтикой. Девушка – психотронное оружие, вот ни у кого такой нет.

* * *

Ольга работала директором в инновационном агентстве и даже имела в подчинении секретаршу, которую звали очень по-турецки... Наташей.

В один из тёплых июньских дней Наташа позвала нас отметить первую зарплату, познакомиться с женихом и вручить приглашение на свадьбу. Час в кафе пролетел незаметно. Наташа: «Отлично посидели, с каждого по тысяче». Прямо жадинка. Чувствуя неловкость ситуации, все присутствующие в

полном молчании полезли в свои кошельки за тысячей. Это был первый случай в жизни, когда я не заплатил за слабый пол. Теперь-то я знаю, что будет и второй.

Начало двухтысячных. Тогда ещё гаишники смотрели сквозь пальцы на свадебные гонки. Я еду в кортеже, дважды меня ловят на радар и штрафуют за превышение скорости. В этот бы миг и задуматься...

Свадебное застолье, ничего примечательного. Тамада в каждой шутке умело обыгрывал, по-моему, тот единственный факт, который он знал о невесте, – Наташа всю свою до-свадебную жизнь провела в доме с красной крышей, который в городе имел очень точное название: «Красная Шапочка». По прошествии многих лет я для себя поставил галочку, что эта свадьба – единственная из тех, что я посетил, где гостям ещё засветло не хватило водки.

Лиза. Дружка Наташи. Девушка с вечно высунутым кончиком языка и причёской рапунцель. У Лизы имелся парень Миша, без рапунцеля, но с бубенцами. На свадьбу таких не зовут, но они всё равно приходят. И Миша пришёл. Возник аккурат в первый танец молодожёнов и с ходу засветил Лизе в глаз... а потом опустился на колени и обнял её. Лизонька стоит, вся такая обнятая Мишей, и даже танцует. Плачет, конечно. А народ смотрит, как медленно, с достоинством наливается под глазом синяк. Я спрашиваю Олю, может, пойти, успокоить Мишку? На что само очарование невозмутимо отвечает: «Не надо, ты разве не видишь, что над девушкой

нависло родовое проклятье?» Тут меня самого едва родимчик не прихватил. Через час Лизе подбили второй глаз, но мы этого уже не увидим, уходить надо вовремя.

* * *

Вместе с многочисленной Олиной роднёй в конце августа мы поехали на турбазу. Пока я жарил шашлык, родня выпила и потянулась на откровенность, к которой я отнёсся с изрядной долей скептицизма. Олин дядя в восьмидесятых возглавлял в КГБ филиал «Аненербе» (другого названия для такой службы я не придумал) и готовил ликвидаторов. Ликвидаторов методом отождествления. Стоишь ты рядом с фраером, ждёшь электричку, отождествил себя с жертвой и сделал мысленный шаг под поезд, а фраер шагнул совсем не мысленно. Бытовой пример – достали тебя соседи, а ты ментально сунул голову в кипящий борщ, а соседи вовсе не ментально...

Дядя рассказывал, как достучаться до важного начальника. У начальника всегда маленькая приёмная и большой кабинет. Пока ты ожидаешь в приёмной, ощущаешь свою ничтожность. Надо заранее в предбаннике воображаемо надуться до размеров большого кабинета и чуть ли не пинком распахнуть дверь.

Я как на встречу попал, где рыбаки хвастают уловом. Даже руки чесались провести среди родственников беспроект-

рышную лотерею.

В средние века инквизиторы разоблачали ведьм, заставляя их брать в руки раскалённый брусок металла. Уронила – ведьма, не уронила – ведьма вдвойне.

Обратная дорога. Уставшие и обожжённые, мы возвращались домой. Остановились возле зарослей ирги, окрасили себе языки в фиолетовый цвет и стали похожи на чау-чау. И всё бы ничего, но у меня в ходе проведения операции «Ирга» заклинило шею. Я вёл машину, сидя к рулю вполоборота. Олина мама, глядя на мои страдания, молча два раза медленно рукой провела вверх-вниз по шее. Шею обдало огненной струёй и отпустило. Я пятнадцать лет потом не ведал, что такое остеохондроз. И скептицизм куда-то испарился.

Среди пациентов Олиной мамы – настоятель местного прихода. Поп. Тайком приходит лечить грызю. Попам с дьяволом общаться не по чину, но если приспичит...

Я так хотел потолковать с духовным лицом, у меня для него столько информации накопилось, но он трусливо сбежал.

Скоро Олина мама уедет на родину Ярослава Гашека и Яна Жижекки врачевать страждущих, оставив детей на Олю и папу.

Много чего ещё было. Я попал в оккультный мир, о котором раньше ничего не знал. Колдуны, гадалки, медитации, йоги... слёты магов, изумительные знакомства. Я подспудно чувствовал прикосновение к чему-то интересному, но из этого цирка надо было как-то выбираться. Выбираться аккуратно, чтобы тебе потом приключений на пятую или, не дай бог, на четвёртую точку не наколдовали.

Под Новый год Оля укатила в Москву на шабаш ведьм, который проходит раз в десять лет, по сути, разлюли-малина так и кончилась. А меня ждал самый незабываемый бой курантов.

Прошло каких-то двадцать лет, и ночь на первое января стала заурядным мероприятием. Давно уже праздничное настроение можно создавать себе в любое время. Пресытились мы праздниками. Так кто же нам испортил Новый год?

Мафия

Андрюха вместе с шефом занимался бальными танцами, через них и попал на фирму. Танцы – это не самый плохой вариант, как выяснится позднее.

Смешно, Андрюха был знаком с Олей и даже ходил к ней на занятия по овладению психотронным оружием. Он мне по большому секрету сообщил, что Оля ему даже нравилась! Андрюха и психотронное оружие – это сила, которая могла смести на своём пути всю чисть и нечисть в радиусе ближайших галактик!

Дрюня жил по принципу «первым делом мы испортим самолёты», и его появление всегда с собой несло маленькое невзрачное зло. Зло, которое он носил на ремешке через плечо и которое без каких-либо усилий со стороны Дрюни постоянно пёрло наружу. Он втягивал в водоворот зла всех подвернувшихся под руку людей, делая их сопричастными, а сам выходил из воды сухим. Да что там людей, он засасывал в водоворот зла и все окружающие предметы. Была у Андрюхи и хорошая черта – он всеми усилиями норовил исправить последствия своих злосчастных идиотских выходов, делая их ещё более идиотскими и более злосчастными.

2002 год, май.

В тот день проходил крупный турнир по бильярду. Четвертьфинал. Звонок. Андрюха. Его посылают срочным образом в командировку. Боится, что машину во дворе разберут на запчасти в его отсутствие. Просит помочь отогнать авто в гараж. Я и понятия не имел, что у него есть машина. О'кей, доиграем, приедем, поможем.

Но сначала скажи, каналья, кто лучший в городе диджей? Андрюха торопливо, пока я не передумал: «Ты, ты, конечно, ты». Вырванная из уст собеседника лесть... но приятно.

Буквально час назад я показательно вышиб действительно первейшего в городе диджея. Диджея Скретча. Правда, не на батле диджеев, а на турнире по бильярду.

Бильярд затянулся. Мы с Костей в финале. Деньги, призы... Получив положенное, отправились на выручку бедолаге.

«Москвич-412». С признаками трупного окоченения. Цепляем московские мощи на буксир и тащим их в гараж к его другу. За двадцать метров до места назначения прихоть судьбы – «Москвич» завёлся.

Открыли ворота. У меня один вопрос: «Друг – одноклубник»? Дрюня безропотно кивнул. Гараж напоминал чулан имени Буратино, куда ходили гадить все грызуны в округе,

ещё и друзей приводили, страдающих диареей. В своё время целый остров Науру смог построить свою экономику на продаже старинных экскрементов. Друг Дрюни уже сейчас смог бы разбогатеть на дерьме и купить себе друга получше...

Машина заехать в стойло не сумела. Буксовала. Когда мы её, наконец, туда затолкали, не хватило ровно пяти сантиметров, чтоб закрылись ворота. Не хватило пресловутых пяти сантиметров после того, как мы сняли задний бампер... Вы когда-нибудь снимали с живой змеи шкуру? Как живодёр-мангуст с Нагайны? Я уверяю вас, мы с Костей при снятии бампера получили ран больше, чем Рики-Тики-Тави. Андрюха отделался лишь поцарапанным пальцем.

Выперли исчадие московского завода взад. Андрюха, весь в мышинном помёте, в паутине и чём-то ещё смердящем попросил сопроводить его домой. Шёл третий час ночи. Не сомневайтесь, на обратном пути «Московский Некромант» заглох аккуратно в тех же двадцати метрах от места постоянной дислокации, где он до этого стоял чёрт знает сколько. Мы так и не дозрели, чтоб понять, какой ушлёпок мог позариться на этот феномен даже в теории.

Прощаемся. Андрюха выдаёт: «Может, зайдёте? Жена-то как будет рада».

За три месяца до этого дня

2002 год, 23 февраля. Фиеста по половому признаку. На фирме всего четыре мужчины. Подарок от милых дам – веч-

ные французские кружки с эффектом неразбиваемости. Мы тут же устроили конкурс, кто результативнее треснет свой подарок о стену. Победителя не было. По ходу конкурса в дверь зашла женщина и, глядя на тщетные мужские попытки разбить кружки, спросила:

– Маша кто?

– Ты Машей никому не представлялся? – мы дружно указали на Андрюху.

Подаренная кружка до сих пор со мной. Та, да не та. Дрюня взялся помогать сдвигать столы для застолья. Один стол, конечно же, опрокинул. Ёмкость, до этого выдержавшая удары о бетон, помножилась на ноль, упав на его ботинок.

У женщин сохранился чек. Магазин в пяти минутах ходьбы. Менеджер, заполняя дефектную ведомость, записал, я уже не помню точно за давностью лет, то ли «сдана насыпь неразбиваемой кружки», то ли «россыпь».

За пять месяцев до этого дня

Двадцать седьмое декабря 2001 года. Четыре дня до... У нас с Олей куплены путёвки в один медвежий угол. Ранний телефонный звонок – Оля никуда не едет. Вернее, едет, курсом на Москву. На шабаш, что бывает очень редко, раз в десяток лет. На шабаш ведьм.

Меня предупреждали, что Оля – ведьма. А кто предупреждал? Она сама. Брожу потерянный, считаю на работе плашки на паркете. Костяныч позвонил. И невзначай, как будто

сговорились, он тоже неожиданно «охладел». Брожу по фирме и считаю плашки на паркете. Участливый Андрэ:

– Что ходишь грустным?

– Новый год накрылся. Да и не только он.

– Давай к нам. У нас ржачно, игры, танцы, красивые девочки. Правило одно – не напиваться.

– Да мне, чтобы напиться, бутылку коньяка «ноль семь» вылакать без закусона надо. У меня ещё друг остался без новогодья. Не пьёт, не напивается, он только курит...

– А он весёлый?

– Не совсем. Он кавээнщик.

Больше ничего я добавлять не стал. Кавээнщик – и так сверхнадёжная рекомендация для нашего захолустья.

* * *

Тридцать первое декабря 2001 года. Новый год с коллегой по компьютерному ремеслу. Юго-Восток, панелька, огромная квартира и солидный квадратный зал. Столы, составленные буквой «Х». Вино. Сухое. Шесть бутылок. В голове вопрос, откуда в этой квартире взялось восемь столов?

Расположились мы за левым нижним краем буквы «Х». За верхним правым притаилась подозрительная компания из трёх человек. Зыркают, на нас особенно. Вы знаете, как в незнакомой компании определить ненужных людей? Надо наметить нужных и взглядом проредить остальных.

Собираются гости. Немой вопрос: «Девчонки где?» Затем второй: «А где обещанная красота?»

– Небрежная причёска, платье «вырви глаз».

– У этой вместо рта ручная мясорубка.

– А эта подстатейная, чуть что не так – посадят.

– У этой папа согрешил с какой-то фукусимой.

Остальные ещё хуже.

Откуда-то вынырнул Руслан, объявленный отъявленным диджеем, лучшим диджеем в городе. Нехорошо мы с Костей меж собой переглянулись, ещё не догадываясь, что перед каждой песней Русик будет пять минут обосновывать причину, почему она композиция должна прозвучать именно сейчас.

А потом обозначился «главный» и огласил: «Клубную вечеринку считаю открытой». Флоризель, скучая, оказался в «Клубе самоубийц», интересно, в какой клуб попали мы? Какой-то «главный»...

Главный оказался сокурсником Костяныча. На абитуре «главный» в колхозе под одеялом хрумкал домашние деликатесы, за что был нещадно бит с использованием одеяла в качестве подручного материала для изготовления «тёмной». А к шестому курсу от него ушла далеко не первая жена. Когда очередная супруга просила денег на колготки, он фыркал: «Ты скажи, какие, я зайду, сам куплю». Выпустить капусту из рук... Проще развестись.

Двадцать три человека. Один час до президентского списка. Алаверды – каждый должен сказать тост. Шесть бутылок вина осушили за десять минут. Трезвяк, с едой не густо – мышшь повесилась, спиртного нет. То есть совсем во всей квартире нет. Я с Никотинычем на лестницу. Помочь ему курить. На лестнице уже обосновалась компания из девушки и двух парней. Довольно подозрительная банда. Смотрим выразительно мы друг на друга, и тут парнишка объявляет вечный шах: «У нас коньяк. Аж три бутылки». Я достаю из кармана припасённую на непредвиденный случай фляжку, и аромат армянского напитка окутывает нас своим волшебством.

Всю оставшуюся ночь мы провели на лестнице, навеваясь в комнаты потанцевать. Четыре бутылки коньяка на пятерых. Капля в море... но без закуски в самый раз. Прогнали Руслана, «завклубу» выписали пендель, а перед этим он признался Косте: «Это как бы наше заседание клуба. Клуба для тех, кому трудно общаться». Я подозревал, что Андрюха может синхронно посещать еврейскую школу и состоять в обществе антисемитов. Но закрытый клуб аутомасонов и танцор латины? Конкретный перебор.

1986 год. Перестройка. Борьба с алкоголизмом. Утром в воскресенье вместо «Финиста – Ясного Сокола» по телевизору крутят единственную на весь СССР безалкоголь-

ную свадьбу. В Караганде живут и работают десятки тысяч немцев – потомки поволжских колонистов, часть которых сохранила кальвинистский уклад шестнадцатого века. И какая-то часть от этой части – баптисты. Они не травили косметику, не употребляли спиртное и не заходили в аптеку за бумажным пакетиком с надписью «презерватив».

Знакомая родителей, такая девочка приятная, и выходит замуж за баптиста. Папа с мамой потом любили вспоминать, как они хлестали водку в коридоре на баптистской свадьбе.

Я пошёл дальше родителей. Я в коридоре пил коньяк на безалкогольном празднике, где нельзя было напиваться. Пора на танцпол. Нас шестеро на танцплощадке. А кто шестой? Жена Андрюхи.

Дрюня недавно женился, девушку увёл у одноклубника (это мы уже потом прознали). Свадьбу справляли в китайском ресторанчике.

На танцполе шесть, а где ещё семнадцать одноклубников? Пошёл смотреть, куда исчезли остальные. Остальные сгрудились в дальней комнате, выключили свет и рассказывали друг другу детские страшилки. Правду говорят, что в полночь некоторые в тыкву превращаются без алкоголя...

Андрюха по пути в зал поведал мне, что сейчас будем рубиться в «Мафию» – разбавлять царившую скуку Где царила

скука, я так и не понял.

Дрюня (вы же помните, что он танцор латины) не единожды хвастался тем, что мог «загладить» в танце до оргазма любую партнёршу. Очутившись на танцполе, Андрюха догадался, что я имел в виду под формулировкой «не совсем весёлый друг-кавээнщик». Под песню «Поезд на Ленинград» Костя с одной милой дамой, чья свадьба не так давно прошла в китайском ресторанчике, играл в незамысловатую игру «найди прищепку». Судя по физиономии Андрюхи и по тому, что прищепки, собственно, и не было, у Костяна всё неплохо получалось...

Ещё даже «Мафия» не началась, а нас с Костянычем втихую «завалили». Заодно и троицу с того конца стола приговорили. Нас депортировали, буквально выставили на мороз, а рассадник необщительных людей остался в тёпленькой квартире.

Термометр показывал «минус сорок», у подъезда стояла машина такси и, как будто, ждала именно нас. Водитель спросил: «Вы с праздника?» Мы: «С самого что ни на есть, с него». Поехали. В процессе выяснилось, не с того мы праздника, но два раза за вечер расстреливать уставы не велят. Дома с голодухи я плотно позавтракал и лёг спать.

* * *

Третье января. Работа. Старые лица в новом году. Андрю-

ха:

– Помнишь такую странную компанию из трёх человек?

– Да, припоминаю что-то.

– Представляешь, они в коридоре пили коньяк. Мы потом три пустых бутылки нашли.

– Какие сволочи... весь праздник загубили.

* * *

С каждым новым пересказом культовое мероприятие обростало новыми фактами и подробностями. В каждой новой компании эту историю можно было излагать, добавляя новые пикантные нюансы. Тогда никто не знал, что следующий наш Новый год опять пройдёт под знаком бобылей.

1 января 2003 года. Новый год через год. Клуб «Ампир». Чудеса, которые случаются. Плюс три градуса – нонсенс для Караганды. Дождь, лужи. Пьяные идём домой в обнимку с двумя стриптизёршами. Дружно шлёпаем по лужам и постоянно в них падаем. А когда не падаем, рассказываем девчонкам про безалкогольный Новый год.

Стриптиз. Такая тонкая материя, что можно и впросак попасть.

В конце восьмидесятых появились мобильные видеосалоны: в автобусах и поездах, куда тайком пыталась проник-

нуть мелюзга на «Греческую смоковницу».

А у нас в городе открылась парикмахерская на подобный манер. Как только темнело, мелюзга собиралась у окон этой парикмахерской лицезреть процесс стрижки – днём в зеркальные окна ничего не видно.

Накануне очередного Нового года шеф на фирме проводил опрос, в какой ресторан на корпоратив хотят пойти сотрудники... за свои деньги. Я предлагал всем коллективом в монументальный стрип-клуб «Фата-Моргана». Короче, не пошли...

39 попугаев

2003 год. Я пока не дорос до того дня, с которого стану получать сдельную зарплату. Пока у меня лишь оклад, который ровным счётом никак не зависит от выполненной работы, поэтому даже отрицательный результат меня мало огорчает.

Первый визит на предприятие, которое занимается продажей сигарет и отчаянно нуждается в современной учётной системе «Жёлтый стресс». Жду в коридоре аудиенции, изучаю надписи и служебную информацию на стенде. Правила для сотрудников. Десятый пункт гласит: «Инспектор отдела кадров имеет полное право прийти в гости к работнику с целью выяснения общей обстановки». Догадываюсь, куда попал. Об отмене крепостного права здесь не слышали.

Ольга. Главный бухгалтер. Разговаривает на одной волне. Голос у Ольги как песня с грустинкой. Базовый аккорд ре минор. Век бы слушал. Обсуждаем процесс внедрения программы... и вклинивается в разговор ОНА.

– Я слышала, в вашей программе невозможно работать с сотрудниками?

– Переформулируйте вопрос, пожалуйста, – я вежливо пытаюсь вникнуть в сказанное.

– Я слышала...

– Вы в МВД работали? – перебиваю, понимая, что диспут

уровня «я слышала» до добра не доводит.

– Да, в МВД.

– Следователем?

– Дознавателем.

– До подполковника дослужились?

– Майор.

Обожаю людей системы. Один час в казарме становится приговором разуму. Служба в МВД воспитывает ранимые натуры, испорченные подобострастием подчинённых. Но есть такие зубры, которых голыми руками не возьмёшь. Вывести из себя такого майора, считай, день прожил не зря.

– А здесь чем занимаетесь?

– Я формирую кадровый резерв.

Однажды у нас в городе горел торговый центр, один майор из оцепления под форменный тулуп напялил женскую шубу, в которую сложил с десятков телефонов. Попался самым глупым образом. Хозяйка магазина позвонила на трубу, которая должна была быть в горящем бутике, а зазвонила шуба у майора. Начальство потом на пресс-конференции оправдывалось, что он нацепил шубу, потому что согреться захотел. Такого хохота здание МВД до той пресс-конференции ещё не слышало. Так вот, этого майора перевели в кадровый резерв. И с тех пор это словосочетание у меня вызывает стойкую ассоциацию.

– А это не ваше творчество с «общей обстановкой» висит в коридоре?

– Моё.

– Как прочитал, я думал, что слезами изойду.

– А что смешного в этом?

– Вы в гости обожаете ходить?

– По необходимости.

Я так смотрю, женщине около сорока, вроде как пенсию не выслужила... А, пан или пропал, устрою я сотрудникам сегодня Юрьев день.

– А вас за пытки из милиции турнули?

Что тут началось. Решил – программу не продам, хоть удовольствие получу. Таких, как правило, весь офис дружно ненавидит, на помощь даже Вжик не прилетит...

Конечно, процесс внедрения она постаралась осложнить максимально, я тоже не отставал, окрестив за её за чуть крючковатую сопатку шикарным прозвищем Кадрик Нос.

Но тут явился на помощь во всей красе Его Величество Случай.

Бизнесу исполнилось десять лет, в ресторане «Созвездие» прошёл банкет для конторских. Двадцать женщин и пара мужчин сидели за чопорным столом, натягивали улыбки и глазели на приглашённых артистов. Престижный ресторан, со всеми веяниями того времени.

По недосмотру или какому злему умыслу чопорным принцессам подсунули... мужской стриптиз. Задорный такой стриптиз, до последнего клиента. В разгар шоу парень стащил с себя плавки, ловким движением прикрыв обнажённость шляпой. Шляпой фокусника. Затем поочерёдно, не переставая танцевать, извлёк из шляпы ксиву факира второго разряда (почему именно второго? Я там не был, а то поинтересовался бы). Достал поднос, креманку с клубникой, сливки и... попугая. Попугая Лену. Судя по имени, попугаиху Лену, а учитывая дульку на голове (перетянутый маленькой резинкой хохолок), это была ЧиппоЛена.

Шляпу стриптизёр откинул в сторону и положил свой эрегированный жезл на поднос.

Я бы сказал, всего себя он отдал в счёт грядущего успеха.

Жезл полил сливками, украсил клубникой и... водрузил туда попугая. Всё так же в танце наклонился к бывшему дознавателю, предлагая измерить длину достоинства... в попугаях.

Никто не знает, почему впоследствии сотрудники единогласно утверждали, что им запала в голову цифра «тридцать девять». Гипноз, похоже...

Дознавателя всем коллективом приводили в чувство. В глаза с тех пор она мне не смотрела.

Если вдруг, каким-то чудным образом, я смог произвести на вас положительное впечатление, то сейчас постараюсь его развеять.

В прокат выходит новый фильм «Три мушкетёра». Роль д'Артаньяна исполняет негр. Я подобрал ему Констанцию. У ней особенная статья.

Констанция

2003 год.

Привлекательные девушки отвлекают. Именно этим постулатом руководствовался шеф, принимая на работу очередного уродца со словами: «Хорошая девушка, не красавица».

Новый сослуживец. Простое имя с французским оттенком – Далида.

Представьте себе пиратский бочонок с ромом. Мысленно приделайте к нему два бревна в виде ног и две веточки в виде рук. Аккуратно сверху приклейте голову Нафани. Дополните образ вечно придурковатой улыбкой и глазами хамелеона, который готовится слизать добычу языком. Добавьте налёт печали из-за развода, при котором муж отобрал абсолютно всё. Получилось представить? Теперь своё представление возведите в квадрат. Перед вами портрет Далиды. Можно ставить портрет в красный угол.

Ром. Пираты. Тортуга. Каррамба!

Никто и никогда до этого на фирме не получал столько кличек сразу. А тут мнения разделились вплоть до драки. Первые прозвали её за рост Кыштымским карликом, вторые за постоянную привязанность к костюму цыплячьего цвета дразнили Жёлтым шибздиком, третьи звали Циплесс – это такой симбиоз слов «цыплёнок» и «стресс», а остальные про-

сто ограничивались нецензурной фразой. Если бы Далида попала в Китай, её бы приняли за воробья и съели. А в зоопарк лучше вообще не заходить – верблюдов заплюёт.

По меткому выражению одного нашего работника, Далида была «страшной, как грязный забор», но хитрости в ней припасено на дюжину таких как мы – выкрутится из любой передраги. Подобный коллега – грозное оружие деморализации своих соратников.

* * *

В тот день искали документ. Пропавший. Вводные гласили, что он гарантированно был создан на одном из офисных компьютеров. Кем? Неизвестно. Названия никто не помнил, посему мы просто открывали подряд все подходящие файлы. Мне досталось рабочее место Кыштымского карлика.

Документ я не нашёл, но смерть как меня заинтересовал рабочий файл под названием: «Кручусь». Помня о том, что даже благородный Атос соблазнил монашку, я не задумывался ни секунды. От таких, как я, файл был защищён паролем.

Каюсь, во мне проснулся нездоровый профессиональный интерес к чтению чужих писем. «Есть ли у вас план, мистер Фикс?» Есть! Пароль я подбирать не стал, а на компьютер установил две программы: первая отслеживала действия, вторая сканировала нажатие клавиатуры. Пуркуа па?

Вуаля, через неделю я счастливый обладатель содержимо-

го файла. Переписка с другом. С другом Женей из другой страны, который работал на точно такой же фирме. Кто ж ты, Женя? Как вы нашли друг друга? По монологу в переписке не понять.

«Знаешь, Женя, так хочется всё бросить и уехать. Клиенты часто предлагают мне дорогие подарки в виде машины или поездки на море. И я, конечно, соглашаюсь поначалу, а потом отказываюсь и хвалю себя за то, что перешла на сторону добра. И вспоминается в такой момент мой бывший муж, ходит потерянный. Такой же долбак, как и все Андреи (тут следует непечатное выражение). А мне просто охота новых интересных ощущений».

Будто в письме ко мне обращается как к специалисту по захватывающим ощущениям. И так обидно стало за всех долбаков – Андреев.

* * *

По дороге домой я зашёл в аптеку и купил сильнодействующее слабительное. «Нулёвкой» (это такая наждачная бумага) я довёл таблетки до дисперсного состояния. Полученное хрючево распределил по чайным пакетикам. Затем дождался удобного случая, когда Далида с водителем отправлялась в соседний город. Интрига заключалась только в том, задей-

ствует ли она утром заряженный пакетик?

Чайная ловушка с двойным дном сработала. До соседнего города Далида не добралась. Выгрузилась в степи. Возле полосы снегозаграждения. На все попытки водителя тронуться, она голосом умирающей Констанции тянула: «Вы же видите, я не могу».

Наш водитель был до невозможности скромным и нерешительным парнем, чем шеф беззастенчиво злоупотреблял. Водитель, лишённый пробивной жилки, боялся попросить прибавку к скромной зарплате. А босс ждал, когда он придёт к нему с этим вопросом, чтобы в ответ нагрузить его дополнительной работой. Но тогда даже я себе представил, как скромняга голосом Леонида Володарского с «прищепкой на носу» произносит бессмертный перевод выражения «фак ю»: «Ты выглядишь как кусок пятикилограммового дерьма в двухкилограммовом пакете».

После этого Далида проработала недолго, уехав вслед за бывшим мужем в южную столицу, куда он перебрался, увезя с собой всё, чем так дорожила Далида.

Девушек на фирме ещё будет непочатый край. Будет и красивая. Но это совсем другая история.

Весна. Середина апреля. Длинные бесцельные юбки сменяются коротышами. По городу ездить смертельно опасно – мысли и взгляды отвлекают от дороги.

Клиент в полуподвальном помещении, чьи окна выходят

на остановку возле колледжа. Приедешь, работаешь, а директор с заместителем сядут у окна и вздыхают.

После обеда бросаешь работу – идешь в степь, за подснежниками. Букет с вкраплением жёлтых лютиков. Даришь. День счастья. Потому что уже завтра подснежники теряют товарный вид и запах весеннего поля.

Космос

2003 год.

Настал тот знаменательный день, который по теории вероятности рано или поздно должен был настать. На фирму приняли хорошенькую незнакомку. Юля. Секретарь-референт с обязанностями бухгалтера. Блондинка с ногами богини. В этом я вас как закоренелый ногист уверяю.

Сидит она справа от меня и ест в обед изысканно котлетку. И я такой весь замечательно-суровый:

– Колись, у тебя кактус есть?

– Не-е-ет.

– Сейчас будет.

И торжественно вношу кактус, защищающий от злых духов. Считалось, что кактус поглощает вредное излучение монитора, и каждый уважающий себя бухгалтер обязан на столе иметь коллекцию колючек.

Действовать по принципу: «Нет второго шанса произвести первое впечатление», – это моё. Срабатывает безотказно. Главное, заинтересовать. А Юля думала: «Какой фории ты его сюда припёр».

– А котлетку ты сама пекла?

– Бабушка...

В Караганде находится гостиница «Чайка», где установ-

лены памятные мраморные доски космонавтам, которые жили в гостинице после полёта. Одним словом, всем космонавтам. Загадочная надпись на казахском языке привлекает внимание и возвещает всему миру, что в космос полетел новичок и опытный космонавт. В начале девяностых группа «Дюна» впечатлилась надписью и суровым бытом шахтёрского города. Так и родилась песня про Караганду, где и "жане", "болды", но ни слова о космонавтах. К чему это я всё... Бабушка и дедушка Юли всю сознательную жизнь проработали в авиации. Бабушка хоть и была, как говорится, от сохи, но с осанкой и величием королевы. Кремень. В гражданскую из таких получались комиссары, а в мирное время... «Дулю в карман, а сам улыбаешься», – девиз кадрового работника авиации.

Когда бабушка видела по телевизору одного депутата из космонавтов, который запомнился лишь тем, что ежегодно поздравлял с днём рождения президента и предлагал повысить пенсионный возраст, она всегда чуть вздыхала с эффектом причастности: «При посадке-то еле её отмыли». Бабушка – космос, просто космос...

Сегодня у Юли легкомысленное настроение, а завтра мы в контрах и не хило так перекидываемся любезностями. Я Юлю поддразниваю, а она зовёт меня: «Дрюнька-какафунька», – и говорит, что я получу по солнышку. Вместе мы как части настоящего чекиста: у неё чистые руки и горячее серд-

це, у меня холодная голова. Так и работаем.

Я, конечно, мужчина в самом соку, но для неё, похоже, сок ещё не настоялся. Мне нравятся девушки в тёмных одеждах, а эта, с позволения, красotka носит только светлые колготки.

Через год Юля получит второе высшее образование и захочет пересесть с нашего маленького катера на большой лайнер.

На прощание Юля погадала мне иглой по руке, сказала, что я спутал ей все карты. Про карты я так и не понял. Красавица уплыла и ничего толком не объяснила.

Если бы каждый, кому я помог найти работу, сейчас бы мне скинул по доллару, я, наверное, дом на Рублёвке смог бы купить. Но я помогал найти работу абсолютно бескорыстно, ведь потом мне и работать с этими людьми, а в расчётах такие никогда не крохоборствовали. Помогая им, я помогал себе. Из рядовых работников, найдёныши, как я называл тех, кому помог устроиться, становились главными бухгалтерами и финансовыми директорами, так что наши связи закреплялись на более высоком уровне.

Про себя, конечно, лучше вообще никому ничего не рассказывать. Но я люблю поведать иногда другим людям пару в высшей степени ужасающих и леденящих душу фактов из своей биографии, чтоб не заблуждались на мой счёт. В плохое легче поверить, нежели в хорошее.

Девятый дан

2003 год.

Звонит как-то Виктория:

– Андрей, наш трест лопнул. Ты же знаешь, с какой я просьбой.

– Лопнул? Я был у вас пять дней назад.

– Дела давно шли плохо. У директора начались нервные срывы, и, чтобы избавиться от проблем, он посетил грейс. Вот где проблемы-то и начались.

– Какой грейс? Его уже лет семь как вычеркнули из списка живых?

– Вычеркнули, жди...

Новое место работы для Вики я нашёл с быстротой молнии. Смазливые и умные бухгалтера на дороге не валяются. Вика – классика по всем трём основным измерениям, чуть припухлый носик и не портящие её веснушки, кровь с молоком, одним словом. В очередной визит она и поведала мне историю падения.

Последние три месяца работали с грехом, даже не пополам, а на три четверти. Медет, так звали директора предприятия, окончил институт в Германии и открыл свой маленький бизнес. Торговал редкостной галиматьёй. Но из-за того, что галиматья была поистине редкостной, покупатели повалили отовсюду. Карагандинское предприятие открыло фи-

лиалы в обеих столицах. Под залог недвижимости своей и родственников Медет расширился. И, как это случается, на разные выдуманные должности Медет стал принимать своих никудышных родственников. Одна из племянниц и затащи-ла Медета в грейс.

К сектам в общем и к грейсу в частности у меня очень личный и весьма приличный неоплаченный счёт. Из-за него когда-то погиб очень близкий мне человек. Иллюзий не питаю, все секты мира мне не победить, но я всегда считал своим долгом сделать небольшой взнос в процесс разрушения.

В начале девяностых, в бытность мою студентом, за неимением развлечений мы с несколькими друзьями из спортзала ходили в недавно построенный храм судеб (он же грейс) упражняться в риторике. Храм придерживался меж-конфессионального подхода, так что встречались там заблудшие овечки всех пород. Обычно после получасового дис-пута прихожане собирались толпой, и происходило некруп-ное побоище. Грубо говоря, нам пытались намять холку.

Виктория любит дерзких. Прихожане оказались не из робкого десятка, тем более, что их было раз в тридцать больше, но это как раз тот несправедливый случай, когда сила побеждала коллективный разум. Но потом сектанты прикормили ментов, и наши походы накрылись тазиком из меди.

Лет через пятнадцать грейс признают противоправной сектой и ликвидируют. Паства разбежится по диане-тикам и другим храмам счастья, а пока дело живёт и процветает...

У Медета имелась одна особенность – он никогда не смеялся. Больше того, он никогда не улыбался. Такая ходячая учёная бука. Я постоянно предлагал Виктории: «Беги, доведёт он тебя до цугундера». Вика послушала меня лишь в одном, в «магазине приколов» купила ручку с исчезающими чернилами и все документы подписывала именной ей. Через две недели от чернил не оставалась и следа, так что доказать преступный умысел никому бы не удалось.

Платил Медет за работу исправно, а поскольку я ездил туда исключительно из-за Виктории, на отсутствие улыбок можно было и закрыть глаза.

В один прекрасный летний день под неусыпным оком племянницы Медет, как зомби, нетвёрдой рукой открыл сейф и пожертвовал крупную сумму грейсу. Затем сектанты стали проникать в рабочий процесс.

Вика рассказала, что я не видел самую проникновенную сценку из жизни фирмы – утреннюю молитву, ну такую своеобразную, без привязки к богу. А в обед весь офис пел гимн и совершал вокруг здания крестный ход, приманивая деньги.

– Врёшь. Я сколько раз приезжал к вам аккуратно в обед, уж крестный ход не проглядел бы.

– Директор специально ждал, когда ты уедешь. Он сказал, если ты это увидишь, потом лопнешь от смеха. Лопнешь и всех забрызгаешь. Ответственность-с. Этому в Германии учат.

Не сомневайтесь, я бы лопнул. Дело, конечно, не в моём смехе, а в круге общения. Пара слов, и бизнес бы умер мгновенно, без агонии. А так ещё компания «Медет и Ко» успела кинуть партнёров. Пришли партнёры за товаром, а оказалось, пришли к шапочному разбору. Директор подался в бега, а предприятию настал «кирдык и козья морда». Родственники, которые пристраивали туда детей, очутились в щекотливой ситуации – кредиты были взяты под залог и их недвижимости тоже. Я слушал Вику, а память моя начала рыскать по самым потаённым уголкам.

Три года назад, или «проникновение в дианетику»

«Ещё одну минуту, господин палач...» Мадам Дюбарри.

Любовница Людовика XV.

За минуту до казни

Декабрь 1999 года. Весь мир готовился проводить прошлый век: Миллениум-пати, массовый компьютерный сбой и далее по списку... а я покинул отчий дом и стал жить один. И если еду, нет-нет, мама мне приносила на неделю, чтобы любимое чадо с голоду не умерло, то всё остальное пришлось делать самому.

Но и на маму свалились проблемы, о которых она раньше и не догадывалась. Ей начал названивать представитель «дианетики» и настойчиво так приглашать на собрания. Звонил, а потом начал угрожать. Раздобыть в те годы базу одиноких людей – не проблема, но в каком-то месте сектанты просчитались. Со мной просчитались. При моих знакомствах вычислить телефон и дислокацию звонившего труда не составило.

Я отправился взыскивать моральный ущерб. Меня встретили охранник и здание, охваченное камерами видеонаблюдения (невиданная в ту пору опция). Помещение бывшего детского сада, перестроенное и разделённое на несколько офисных блоков. С наскака туда не попасть. Но вы помните, что у меня легион двухметровых стокилограммовых друзей, ещё со времён «грейса». С ними мы и двинулись к сектантам. Подготовились, конечно. Для реализации плана нужно было позарез достать наручники. Выручила одна знакомая, у которой муж работал «дубаком» в исправительной колонии.

Зима, минус тридцать пять. Даже душа леденеет... В телефонном распределителе, который находился почти в километре от штаб-квартиры, я целиком перерубил пучок кабелей, да простят меня жители этого района (я же всё-таки признался). Сотовые телефоны тогда были редкостью, и позвонить с них на «02» не представлялось никакой возможности. Короткие номера появятся гораздо позже.

Так уж устроен человек, что подвоха он меньше всего

ждёт именно утром. Охранник в офисе – здоровый лось. Лось в классическом костюме. Здоровый... бабушек пугать. Конечно, никто ему вертуху в бубен заряжать не соби́рался. Я против телохранителей ничего не имею, но когда ими прикрываются конченные гниды...

Готовясь к визиту, я прочитал все номера журнала «Боевые искусства планеты», где вычитал наиболее верный способ нейтрализации охранника – полоснуть его безопасным лезвием по мотне брюк и дёрнуть за «имущество», после чего останки можно смело загружать в катафалк.

Имелся ещё вариант – газовый пистолет. У нас было две пневматики под «Макарова» и газовик – расчёт на то, что, увидев три ствола, охранник не будет вглядываться. Но, с другой стороны, выстрел из газового пистолета в замкнутом пространстве мог создать очаг поражения, который бы затронул всех «участников процесса». Выстрел также мог заблаговременно насторожить того, кто ни о чём не должен был догадываться.

Это были времена, когда газеты пестрели объявлениями: «Требуется охранник со знанием английского языка». Я потом уточнил у одного предпринимателя, зачем нужен английский? Ответ меня ошеломил: «У нас шлагбаум с пультом управления, так на нём надписи по-английски».

Да, охранник вполне мог оказаться грамотным и образо-

ванным. Образованным в абсолютно любой сфере. Но не в этой же?

Помните момент в фильме «Сокровища Агры», где местный Николай Дроздов грозился скинуть на доктора Ватсона змею, когда тот пришёл к нему за бульдогом Тори?..

В местном зоопарке была куплена по доллару за сантиметр (такие были тогда цены) фиолетовая змея. Совсем не ядовитая. Какой-то заморский ужик. Но я на него всё равно не мог смотреть без страха. А чтобы посадить ужика в карман, и речи не было... На третий день я уже мог брать эту рептилию в руки практически без содрогания.

Войдя в офис, я достал из кармана змеюку и продемонстрировал охраннику, придерживая голову фиолетового аспида, как бы намекая, что сей аспид смертельно ядовитый: «Рыпнешься, я кину в тебя гадюку, противоядия нет».

Вошли друзья. Лось оказался с мозгами, поэтому даже не сопротивлялся. Прикованный к горячей батарее, он был зациклен лишь на одной мысли – как на весу удержать руки так, чтобы не получить ожог.

Охранник был самым слабым местом моего плана, он попросту мог пересекаться с нами на спортивном поприще и опознать по лицу или по голосу. Возможную попытку опознания нивелировал мгновенно одетый на голову чёрный пакет.

А что вы смеётесь, по стандартам КГБ привлекать для подавления мятежа можно силовиков исключительно из дру-

гого региона. А то ходил какой-нибудь спецназовец Ваня в кружок авиамоделирования с главарём бунтовщиков Сашей, и в самый ответственный момент у Вани дрогнет рука. На этом каждый третий фильм построен. Нам шаблоны Голливуда ни к чему.

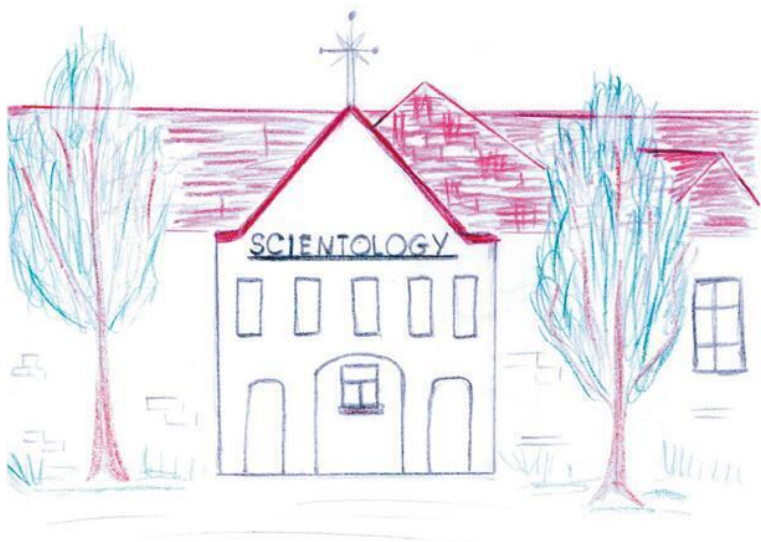
Мы поднялись на второй этаж и предъявились главному дианетику. Дианетик производил впечатление надзирателя концлагеря, к которому пришли с арестом через целую пропасть лет. Он сидел, скукожившись, в своём кресле, как старый, без вкуса и запаха сморчок. Если съесть такой гриб, пользы не будет, только тяжесть в желудке станет мучить всю ночь.

Я вознамерился сморчку сообщить, что явился за остатками совести, готов взять деньгами или натурой. Но не успел ничего сказать, как меня не так поняли. Дианетик начал блефовать, пугать, что нас обязательно найдут, а сам шнырял глазами по сторонам. Одним словом, производил впечатление человека, который обязательно воткнёт нож в спину при первой же возможности – так мне показалось в тот момент. Угадать с трёх ног, что за этим последует, дианетик не сумел.

В айкидо существует прелюбопытный удар. Если его правильно исполнить, то противник непроизвольно вывалит наружу язык. Я несколько лет занимался айкидо, но особых успехов не достиг. А о том, чтобы разучить такой удар, мог только мечтать.

Кабы сэнсэй меня видел в этот момент, то полетел бы в

Японию хлопотать о присвоении мне девятого дана... Удар получился спонтанным.

Язык у дианетика был широким, с налётом желтизны. И после первого удара он вывалил своё жало наружу. Г(о-сле второго сморчок собственными зубами перекусил высу-нутый язык практически пополам. Подвергать свои кулаки чрезмерным испытаниям я не стал, поэтому битой доломал ему челюсть, а также руки и ноги. Ближайший год он если и будет ходить, то только под себя... в обоих направлениях. И

кушать будет долго через трубочку.

Разгром кабинета в бюджет посещения не был заложен, в связи с чем я аккуратно достал из кармана отвёртку, раскрутил системный блок компьютера и снял с него жёсткий диск. По кабелю от камеры проследил, где находится сервер видеонаблюдения. Пять минут работы отвёрткой, и все носители информации из небольшой комнатки, где стоял сервер, тоже переместились по новому адресу, в мой карман.

Я снова поднялся к заветренному куску мяса, проверить рефлексы и поинтересоваться отношением к эвтаназии. Рефлексы свидетельствовали, что злодей жив, но от боли немного не в себе.

Есть мнение, что преступник по какой-то причине всегда возвращается на место преступления. Я не был преступником, скорее в своих глазах я был судьёй или палачом, а судьям возвращаться на место преступления противопозаказано. Палачам, наверное, тоже.

Жаль, но разрушительные культы на этом не исчезли, глубоко запустив свои щупальца в души отчаявшихся людей. Но после этого активность дианетики в нашем городе поухнула, даже, в некотором роде, ушла в подполье.

И среди моих клиентов будут приверженцы этого учения, но своей принадлежностью к братству при встрече хвастать не станут.

Спустя лет десять с одним идейным лидером секты слу-

чится сердечный приступ. Приехавшие «братья» вместо звонка в скорую и оказания первой помощи ускорят его последние минуты тем, что будут таскать бездыханное тело по офису, поднимать и опускать ему руки, крича в не слышащие уши: «Душа выходит из тела, душа влетает в тело». Врачи приедут слишком поздно. Им навстречу выйдут «братья» и вынесут навстречу шарики, в которых, по их утверждению, будет находиться испарившийся в небо клир покойного. Но это совсем другая история.

Раз на одном предприятии скрутило живот, я к бухгалтеру:

– Дайте, пожалуйста, таблетку от живота?

– Я десять лет врачом на скорой проработала, про таблетки «от живота» не слышала.

Врач-бухгалтер, и не такое видали. Принесла какую-то коробку:

– «Ящик от старости», как мы его зовём, выбирайте нужную таблетку.

Дуремар

Таблетки убивают... Самая мрачная страница в хрониках нашей фирмы. Попробую её поведать задом наперёд.

Таблетки, или «Коммерческий цинизм»

2014 год.

Игорь. Мы больше никогда не увидим это с вечным прищуром недоверия лицо, которое периодически переступало порог нашей фирмы. Лицо владело сетью аптек и имело неутолённое желание их автоматизировать. Игорь искал совершенную программу, которая бы учла все его необъятные желания. В природе таковой не имелось, в связи с чем он с одержимостью маньяка приезжал к нам, отнимал целый день, примеривая различные версии программы «Жёлтый стресс» на себя, издевательски потешался над нами и удалялся, чтобы потом вернуться вновь. Клиент от бога, который на протяжении двенадцати лет доводил всю фирму до нервного тика. Но отказать нельзя – слушок пойдёт. Теперь он не приедет. Умер. А мне вспомнился старый анекдот о Горбачёве:

– Будешь над гробом говорить, помни: о покойном либо ничего, либо хорошо.

– Вот и ушёл от нас дорогой Михаил Сергеевич, но это

ничего, это даже хорошо.

2011 год.

Сакен. Держал сеть аптек, в том числе имел лекарственный отдел в ЦУМе. Хронически жаловался на нищету, в которой поочерёдно винил своих фармацевтов и программу «Жёлтый стресс». Несколько раз Сакен приглашал меня устранить «причину своей нищеты» в виде некорректно работающей программы, и каждый раз попадал впросак.

За витриной в ЦУМе два молодых фармацевта с кристально-честными глазами. Им не нужна программа «Жёлтый стресс» – вся бухгалтерия ютится в голове. Они закупили аналогичные партии лекарств там же, где и хозяин, и всегда чётко ориентировались, в какой именно карман положить деньги от покупателя: левый – свой, правый – хозяйский. Как только Сакен ни силился их вывести на чистую воду...

Я нанёс очередной визит в тот день, когда Сакен поставил в глубине отдела стульчик, водрузил на него свою тушку и стал фиксировать происходящее. Клиентов пруд пруди, продаж не наблюдается. Вообще не наблюдается. В два голоса фармацевты уверяли владельца, что присутствие в аптеке косматого мужика распугивает посетителей, и он не выдержал – сдался.

Ах, если бы он знал истинную причину отсутствия продаж. На вопрос: «Есть ли у вас аспирин?» – наряду с отве-

том «да» покупатель от фармацевта получал такую ошеломляющую гримасу в стиле Луи де Фюнеса, что всякое желание отаблетиться в этом месте пропадало начисто.

Через год Сакен уснул последним сном с зажатым пузырьком нитроглицерина в одной руке и пачкой денег в другой. Он горел желанием этим что-то сказать, но виду не подавал.

В детстве я читал повесть Станислава Лема «Условный рефлекс». Между прочим, там имеются строчки о том, как студент сдал экзамен, ничего не смысля в предмете. Преподаватель придумал для описания обыденных вещей собственные термины, которыми и оперировал на лекциях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.